

мариованы
**ВИКТОРИЯ
АЛЕКСАНДЕР**

*Любовница
на Рождество*

Виктория Александер
Любовница на Рождество
Серия «Грешные
семейные тайны», книга 1

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8348492

Любовница на Рождество: АСТ; М.; 2014

ISBN 978-5-17-081393-3

Аннотация

Каждая тайная любовница только и мечтает, что однажды «коварный соблазнитель» на ней женится?

Знаменитый путешественник и искатель приключений сэра Себастьян Хэдли-Эттуотер сам лелеет надежду на брак, – ему совершенно необходимо жениться, чтобы получить наследство, а единственная женщина, которая завладела его сердцем, леди Вероника Смитсон, вполне довольна их тайной связью и своим положением независимой, богатой молодой вдовы!

Себастьян, пылко влюбленный, составляет хитрый план, – однако в этой истории забавных приключений и бурных страстей с самого начала все пошло не так, как было задумано...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	51
Глава 5	70
Глава 6	93
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Виктория Александер

Любовница на Рождество

© Cheryl Criffin, 2011

© Перевод. И.Г. Ирская, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

30 ноября 1885 года

– Это он, – произнесла Вероника, леди Смитсон. Она сказала это скорее для себя, чем для дамы, сидящей с ней рядом, и с удовлетворением улыбнулась. Она обожала, когда все шло по плану.

– Тихо, – зашипела на нее Порция, леди Редуэлл. Она с гордостью взирала на оратора, который стоял на возвышении в дальнем конце зала.

– ...и по общему признанию это оказалось большим приключением, чем мы рассчитывали. – Сэр Себастьян Хэдди-Эттуотер как опытный оратор выдержал хорошо отрепетированную паузу и окинул взглядом внимающую ему аудиторию в лекционном зале Клуба путешественников.

На его губах появилась улыбка, а на щеках ямочки. Он был очень красив. И его лицо не портило даже загар, немного более темный, чем допускала мода. Шрам над правой бровью добавлял его облику таинственности. Голубые глаза светились умом и жизнерадостностью. Волосы были темно-орехового оттенка и казались почти каштановыми. Он обвел медленным взглядом зал, и лишь ветхая старуха, одной ногой в могиле, не помечтала бы о том, чтобы взгляд этих глаз предназначался только ей, и больше никому.

Когда он заметил свою кузину Порцию, сидящую около Вероники в последних рядах зала, глаза его сверкнули – он ее узнал, и Порция просияла. Родители Порции умерли, когда она была совсем маленькой, и ее взяли к себе тетя с дядей. Она росла вместе с Себастьяном и еще шестью кузенами и кузинами.

Себастьян слегка ей кивнул и продолжил неспешный осмотр аудитории. Его взгляд на секунду задержался на Веронике, хотя скорее всего на ее шляпе – весьма впечатляющей, – затем переместился дальше.

– В заключение позвольте мне сказать: в жизни есть только одно, что радует тебя больше, чем открытие неизведанной доселе земли или народа.

Он вновь взглянул на Веронику, и на этот раз их глаза встретились. Она слегка вздернула подбородок и еле заметно улыбнулась. Это была улыбка одобрения, хотя из того, что она слышала о знаменитом искателе приключений, следовало, что в одобрении он не нуждался. Его подвиги на любовной ниве были так же многочисленны, как и чужеземные приключения. По крайней мере если судить по рассказам Порции и по сплетням.

– И это... – тут он широко улыбнулся, отчего ямочки стали еще заметнее, и закончил: – это возвращение домой.

Веронику охватило восхитительное предвкушение чего-то нового, необычного. Да, это он.

Аудитория разразилась аплодисментами. Собравшиеся

пришли сюда, чтобы провести вечер в обществе прославленного путешественника, услышать его рассказы о нетронутых цивилизацией землях и неизвестных народах. Вечер оправдал ожидания – волнующие истории от великолепного рассказчика увлекли всех. Сэр Себастьян умел завладеть вниманием публики.

Вероника наклонилась поближе к подруге и прошептала ей в ухо:

– Это он.

– Я услышала с первого раза – можешь не повторять, – ответила Порция, громко хлопая в ладоши и горделиво улыбаясь. – Он кто?

– Тот, кто мне нужен.

– Нужен для чего? – рассеянно спросила Порция, поскольку все ее внимание было приковано к сэру Себастьяну, который теперь принимал восторженные похвалы и делал это весьма скромно и сдержанно. Хотя Вероника подозревала, что он далеко не скромный и не сдержанный человек, его манера поведения добавляла ему привлекательности. Да, он очень ей подходит.

– А сейчас те, кто слышал меня раньше, подтвердят, что я не ленился и вы получили максимум сведений.

В публике раздался смех – все оценили его шутку.

– А теперь я жду ваших вопросов. – Он пристально взглянул на Веронику. Глаза его смотрели вызывающе, словно он побуждал ее не отводить взгляд.

У Вероники был вопрос, но пока что она решила воздержаться. Немедленно поднялся с десяток рук. Сэр Себастьян сделал знак джентльмену в переднем ряду.

– Сэр, в вашей третьей книге, – начал тот, – вы описываете встречу с племенем туземцев во время вашей экспедиции по Америке, и мне любопытно узнать...

– О да, он – совершенство, – пробормотала Вероника.

А Порция громко фыркнула, что совсем не приличествует леди.

– Ерунда. Я росла с ним и могу рассказать тебе много случаев, когда он не отличался совершенством. Вот, к примеру... – Порция осеклась и посмотрела на Веронику. – Тот, кто тебе нужен? Для чего? О ком ты говоришь? – Она прищурилась. – Что ты задумала?

В эту минуту поднялась сидевшая по другую руку от Вероники ее тетя Лотте.

– Сэр Себастьян, я бы хотела узнать от вас, человека, прославившегося как исследователь и путешественник, и – как мне говорили – человека передовых взглядов...

– Уйми ее. – Порция сжала Веронике кисть.

– Если бы я смогла. – Вероника похлопала подругу по руке и спрятала улыбку. Этого следовало ожидать – у мисс Шарлотты Брамхолл был свой собственный план действий.

– Благодарю вас, мэм. Я стараюсь не отставать от прогресса. – Сэр Себастьян одарил тетю Лотте своей неотразимой улыбкой. Эта улыбка, несомненно, заставила каждую даму в

зале пожелать оказаться с ним рядом. А Вероника подумала о том, что его улыбка не возымела никакого действия на тетю Лотте, поскольку выражение ее лица осталось неизменным.

– Замечательно, – кивнула тетя Лотте. – В таком случае я хотела бы узнать ваше мнение по поводу членства женщин в Клубе путешественников.

По рядам пронесся недоумевающий шепот, а Порция сдавила руку Веронике.

Сэр Себастьян сдвинул брови.

– Боюсь, что я не совсем понял суть вопроса.

– Все очень просто, молодой человек. Вы согласны или нет принимать женщин в члены клуба?

Сэр Себастьян ответил, очень осторожно подбирая слова:

– Мне кажется, что если вы сегодня здесь и смогли убедиться, что лекции нашего общества открыты для всех, то нет необходимости включать в члены клуба прекрасный пол. Это... – он на секунду задумался и продолжил: – стало бы для них чрезмерным бременем. – Он опять улыбнулся своей приятной улыбкой, хотя тетя Лотте вполне могла считать ее снисходительной. Бедняга. Он встречался лицом к лицу с дикими обитателями джунглей, но ему еще не приходилось сражаться с мисс Шарлоттой Брамхолл. Сэр Себастьян продолжал, не догадываясь о грозящей ему опасности: – Насколько я знаю, полное членство тех, кто живет в Лондоне, подразумевает их непосредственное участие во всех делах по управлению организацией.

Вероника поморщилась, ожидая схватки.

– И вы считаете это бременем? – Тетя Лотте расправила плечи. – Вздор. Каким бы прогрессивным вы, сэр Себастьян, ни были, но, возможно, вам неизвестно о значительных успехах, достигнутых женщинами за последние двадцать лет. Они совершили не одно путешествие благодаря исключительно своей решительности. Женщины, исследующие берега Нила, определенно могут взять на себя тяготы управления всего-то одной организацией.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся сэр Себастьян. – Но, моя дорогая леди, нельзя в угоду прогрессу забыть о традициях, которые взращивались столько лет.

– Традиции, сэр, это чисто мужская отговорка...

– Мисс Брамхолл! – Это вскочил на ноги сэр Хьюго Толливер, директор Клуба путешественников. Он буквально столкнул сэра Себастьяна с подиума и свирепо воззрился на тетю Лотте. – Сейчас не время и не место для дебатов по поводу членства в клубе.

– Тогда скажите мне, когда вы предлагаете... – Тетя Лотте, в свою очередь, испепелила его взглядом, но не успела договорить.

– А теперь, леди и джентльмены, – обратился к публике сэр Хьюго, – в соответствии с нашей традицией в фойе поданы закуски и напитки. Сэр Себастьян к нам присоединится. – С этими словами сэр Хьюго повел сэра Себастьяна к двери.

Все встали и направились в фойе, надеясь не только вкушать теплый лимонад, но и лично пообщаться с храбрым сэром Себастьяном.

– Какой на редкость неприятный человек, – раздраженно произнесла Лотте.

– Полагаю, ты говоришь о сэре Хьюго. Сэр Себастьян произвел на меня впечатление очень искреннего и милого человека.

Тетя Лотте усмехнулась:

– Уверена, оба – одного поля ягода.

– Дорогая, он мужчина, – миролюбиво улыбнулась Вероника. – Мы должны принимать это во внимание.

– Ха! – Лотте нахмурилась. – Женщины веками позволяли мужчинам довлеть над ними, отговариваясь подобной ерундой. Давно пора нам занять подобающее место в обществе. – Она взглянула на Порцию – та сидела с таким видом, словно никогда не была знакома не только с Лотте, но и с Вероникой. – Вы идете?

– Да, конечно. – Порция неохотно поднялась на ноги. – Он мой кузен, в конце концов.

– Тогда вам придется его переубедить.

– Тетя Лотте, мы тебя догоним, – поспешно произнесла Вероника.

– Хорошо. – Лотте направилась вперед решительной пружинистой походкой.

– Зачем ты привела ее сюда? – накинулась Порция на при-

ятельница.

– Я ее не приводила. Это просто совпадение – в ее планы входило прийти на лекцию. Я бы сказала, приятное совпадение.

– Не это слово приходит мне на ум, – сердито ответила Порция. – Я боялась, что случится что-нибудь подобное.

– Что именно?

– Что она может выставить себя в дурацком свете.

– Дорогая, ты преувеличиваешь. Она всего лишь задала вопрос. – Вероника взяла Порцию за руку, и они последовали за остальной публикой к выходу из зала.

– Но какой вопрос! Женщины – члены Клуба путешественников. Ничего себе.

– Она абсолютно права, и я с ней солидарна, как ты знаешь, – мягко заметила Вероника. – И если бы она этого не спросила, я бы спросила сама.

Порция тяжело и страдальчески вздохнула.

– Не понимаю, почему женщины в вашей семье такие... такие...

– С независимым складом ума? Умные и не боятся это показать?

– Да, – резко ответила Порция. – Это совершенно неприлично.

– Жаль.

– Ты никогда не найдешь себе другого мужа, если не научишься быть более осмотрительной, – предупредила Пор-

ция. – Мужчинам не нужны слишком умные женщины.

– А мне не нужен мужчина, который видит меня такой, какой я на самом деле не являюсь, – высокомерно заявила Вероника. – К тому же я не намерена снова выходить замуж.

Порция застыла и уставилась на нее.

– Господи, Вероника, не говори глупостей. Конечно же, это не так. Я лично намерена. – И уточнила: – Хотя предпочла бы сама выбрать мужа. – В последнее время ее семья из лучших побуждений начала дружную и не особенно деликатную кампанию по поиску мужа для Порции. Они постоянно знакомили ее то с одним, то с другим подходящим холостяком. – Мы – женщины. И этого от нас ждут.

Вероника с ласковой улыбкой посмотрела на нее.

– Я предпочитаю не делать того, чего от меня ждут.

– Да, я это знаю. – Порция закатила глаза.

– Более того, я не понимаю, почему от женщин в нашем положении ждут, что они выйдут замуж.

– И что это за положение?

– Брак дает женщине финансовую защищенность. Но даже в наше время у женщин есть способы обеспечить себя. – Вероника пожала плечами. – Мы с тобой располагаем собственными средствами, так что наше будущее обеспечено. Поэтому выходить замуж нет никакой необходимости.

– Никакой необходимости выходить замуж? – От такого заявления у Порции глаза полезли на лоб.

– Абсолютно никакой. – Вероника взяла Порцию под руку

и подтолкнула к двери.

– Но ты, надеюсь, не собираешься провести остаток жизни в одиночестве?

– Нет, не собираюсь. – Вероника отрицательно покачала головой. – Прошло чуть больше трех лет после смерти Чарльза, и мне надоело быть одной. И я не из тех женщин, которым нравится прыгать из кровати одного мужчины в кровать другого.

– Слава Богу, – с облегчением выдохнула Порция.

Вероника улыбнулась. Она еще не решила, сообщить ли Порции о своем плане. Но возможно, ей понадобится содействие подруги, хотя от Порции с ее представлениями о приличиях едва ли дождешься действенной помощи.

Вероника оглядела толпу гостей. Неукротимая тетя Лотте упрямо пробиралась вперед, в фойе. Двери туда были распахнуты, и Вероника увидела сэра Себастьяна в окружении поклонников – в основном поклонниц. Он находил возможность поговорить с каждым и делал это так очаровательно и доброжелательно, что даже на расстоянии весьма впечатлил Веронику.

– Расскажи мне побольше о твоем кузене.

– Не знаю даже, что еще тебе рассказать. – Порция на минутку задумалась. – Ты же прочитала одну из его книг.

– Вообще-то две.

– Тогда ты знаешь о его дурацком увлечении путешествиями, чтобы, познавая неизвестное, расширить свой круго-

зор. Сама я их не осилила. По-моему, это довольно-таки страшно.

– Но он хороший рассказчик, – промурлыкала Вероника. На самом деле она находила его манеру изложения не только увлекательной, но порой даже чувственной.

– Семья надеялась, что он займется каким-нибудь полезным делом или будет изучать право. Вместо этого он провел последние десять лет в таких местах на земле, куда мало кто из цивилизованных людей мог бы отправиться. Это очень всех огорчает.

Вероника удержалась, чтобы не засмеяться.

– Хорошо, что он не юрист.

– Он с детства отличался буйным нравом. Всегда делал то, чего не следует. Никто ему был не указ. Тем не менее... – Порция вздохнула, – он всегда был моим любимым кузеном.

– В глубине души ты, Порция, авантюристка.

– У меня жизнь довольно скучная, – тихо призналась Порция и тут же спохватилась: – Я не то хотела сказать. Какой вздор. Не знаю, почему я это сказала.

– Те, кто наименее склонен к покорности...

– Всегда готовы взбунтоваться. Да, ты говорила это не раз. Какая ерунда. Я не собираюсь ни покоряться, ни бунтовать, – насмешливо фыркнула Порция.

– Разумеется, нет. Ты вполне довольна своей тихой жизнью.

– Да, я довольна.

Но Веронику было не провести. Странно и в то же время примечательно, что она, Порция, а также Джулия, леди Уинтерсет, до недавнего времени знавшие друг друга настолько, насколько позволяли светские рауты, очень подружилась. Волею случая они повстречались в книжном магазине «Фенвик и сыновья», а вот тот факт, что вскоре после этого они стали близкими приятельницами, несомненно, можно расценить как провидение. Все три дамы потеряли мужей три года назад в результате несчастного случая или болезни. Они повстречались в тот момент, когда каждая почувствовала необходимость в наперснице, не слишком удрученной своей потерей. Вероника не была подвержена проявлениям благочестия, но частенько благодарила Бога за то, что обрела этих подруг, даже скорее сестер, которых у нее никогда не было и без которых до сих пор обходилась. Теперь же она и представить не могла свою жизнь без них.

– За исключением Себастьяна, мы вполне приличная, добропорядочная семья, – заявила Порция. А Вероника про себя удивилась, как же в таком семействе мог родиться авантюрист. Но возможно, такой человек мог появиться только в благопристойной семье.

– Он действительно не похож на благонравного человека – он похож на авантюриста.

Сэр Себастьян со своей грубоватой красотой выглядел как герой приключенческого романа.

– Это из-за шрама, – сказала Порция, глядя на кузена. –

Шрам делает его похожим на искателя приключений.

– Наверняка это «подарок» из какой-нибудь экспедиции.

Порция засмеялась:

– Ему, по-моему, нравится, чтобы люди думали именно так. А на самом деле он еще мальчишкой упал с дерева.

Толпа продвигалась очень медленно. Они едва смогли сделать несколько шагов, и Порция от нетерпения топнула ногой.

– Ты, кажется, давно его не видела.

– Он в Англии уже несколько месяцев, но до сих пор не появился ни на одном семейном вечере. Рождество менее чем через месяц, и родственники будут видеться очень часто, так что Себастьян непременно объявится. – Порция вытянула шею, чтобы получше разглядеть кузена. – Говорят, он покупает дом за городом.

– Да? Ты думаешь, он в нем обоснуется? – как бы между прочим спросила Вероника.

– Понятия не имею о его намерениях, но я обязательно его спрошу, если мы когда-нибудь до него доберемся. Почему ты задаешь вопросы о Себастьяне? – Порция сощурилась. – И ты мне так и не ответила, что имела в виду, сказав, что он тот, кто тебе нужен. Для чего нужен?

– Я пока что не решила.

Перед ними возник проход, и Вероника потянула Порцию за собой.

Но Порция твердо стояла на своем.

– Вероника Смитсон, я что-то не припоминаю, чтобы ты мне врала.

– Ерунда, Порция. Я врала тебе много раз.

– Но я никогда прежде не слышала, чтобы ты чего-то не решила.

– Ну, всегда что-то бывает впервые.

– Что ты задумала?

Вероника огляделась.

– У тебя за спиной образовался проход.

– Мне все равно! – У Порции округлились глаза. – Если ты заинтересовалась Себастьяном, то должна тебя предупредить: брак не его стихия.

– И не моя тоже. – Вероника взяла Порцию за руку и подтолкнула вперед.

– Тогда чего ты хочешь? – Порция и не думала сдвинуться с места.

– Тебе это не понравится.

– Не сомневаюсь.

– И тебя это совсем не касается.

– Он – мой кузен, а ты – моя подруга, поэтому очень даже касается.

– В таком случае успокойся. У меня нет желания стать женой твоего кузена. – Вероника внимательно посмотрела на Себастьяна и улыбнулась: – Я намерена стать его любовницей.

Глава 2

Порция уставилась на нее, не веря своим ушам:

– Кем?

– Ты же слышала.

– Я надеялась, что ошиблась. Или не расслышала. От подобной новости любой приличный человек оглохнет. Надо предупреждать, когда собираешься сказать такое. – Порция наморщила лоб. – Но ты ведь это сказала не серьезно?

– Я никогда не была серьезнее. – Взгляд Вероники по-прежнему был устремлен на сэра Себастьяна, и она отметила, что у него прекрасная фигура.

– Ну нет! Не могу поверить, что ты такое придумала. Я знаю, что ты не придаешь значения условностям... Но это... – Порция задыхалась от негодования. – Это аморально. Более чем аморально. – Вскинув голову, Порция посмотрела Веронике прямо в глаза. – Это скандал! И я этого не допущу!

Несколько человек повернулись в их сторону.

– Дорогая, тебе не о чем беспокоиться. Однако... – Вероника наклонилась поближе, – было бы менее скандально, если бы ты воздержалась от объявления об этом всем окружающим.

– Мне все равно! – Несмотря на свое замечание, Порция больше, чем кто-либо из знакомых Вероники, боялась скан-

дала и поэтому понизила голос. – Я знаю, ты всегда поступишь так, как пожелаешь, но это... это уж слишком даже для тебя. Вероника, это дурно. И это... – Порция наконец нашла подходящее слово, – это эгоистично. Вот. Эгоистично.

Вероника изогнула бровь.

– Почему, скажи на милость, это эгоистично?

– Ты думаешь только о себе. Подумай о скандале – как это отразится на твоих друзьях и твоей семье. На твоём отце, бабушке и тете. – Порция бросила взгляд на тетю Лотте, которая упрямо двигалась к тому месту, где стоял Себастьян. – Ну возможно, если не на тетке... то на Харрисоне. – Порция вспомнила брата покойного мужа Вероники, который придавал большое значение приличиям. – Харрисон придет в ужас.

– Харрисона скандал волнует теперь намного меньше. Он женился на Джулии, а их соединил как раз скандал. Смею заметить, что мой дражайший деверь наконец-то оценил выгоды небольшого скандала.

– А я нет! – прошипела Порция.

– Порция, дорогая, я тебе обещаю быть предельно осмотрительной во всем, что касается любых... – Вероника кашлянула, – любых отношений с твоим кузенком. Не окажешь ли мне одну маленькую, пустяковую услугу?

Порция сердито на нее посмотрела:

– Интересно, какую?

– Представь меня ему.

Лицо Порции просияло.

– А я и забыла – ведь ты даже с ним не знакома. Так что вполне возможно, что он тобой совсем не заинтересуется.

– Этого я себе не представляю, – заявила Вероника. – Да и ты тоже.

– Ну, про тебя не скажешь, что ты непривлекательная. – Порция окинула приятельницу оценивающим взглядом. – Хотя и не так красива, как Джулия.

– В таком случае мне придется приложить больше усилий, – спокойно ответила Вероника. Она не обиделась на подругу, поскольку по натуре Порция не была злой, просто обладала привычкой говорить не подумав.

Порция никогда не скрывала, что из трех подруг она считала Джулию самой красивой, Веронику самой умной, а себя самой добропорядочной. Но Вероника – хотя не произносила этого вслух, чтобы не выглядеть нескромной, – считала себя такой же красивой, как Джулия, а может, еще красивее.

Конечно, Джулия – олицетворение светловолосой английской красавицы, но одного лишь взгляда на Веронику достаточно, чтобы сказать – она необычное создание. И если мужчины не падали к ее ногам, то не из-за ее наружности. Все дело в ее характере. Она всегда отличалась независимостью и прямоотой и никогда не скрывала своего ума, хотя давно поняла, что это ее качество не особенно нравится мужчинам. Но разве зеркало не говорило ей о том, что у нее поразительная внешность, которую трудно забыть? Темно-рыжие воло-

сы, высокий рост, статная фигура, карие глаза, сверкающие весельем, юмором и умом. Конечно же, Джулия по сравнению с ней... просто хорошенькая.

– Почему ты хмуришься? – спросила Порция.

– Разве? – Вероника лучезарно улыбнулась подруге. –

Прости. Мне в голову пришла неожиданная мысль.

– Меня тоже посетила неожиданная мысль, – с холодком в голосе сказала Порция. – Я не могу смотреть сквозь пальцы на твое порочное желание... Подумать только... соблазнить. И кого?

Вероника рассмеялась. Но Порция, не обращая внимания на ее смех, закончила:

– Моего кузена. Даже если Себастьян не будет возражать, в чем я не сомневаюсь, у него, как ты знаешь, определенная репутация.

– Эта одна из многих причин, почему я выбрала его.

– Однако...

– Я что-то не припоминаю, чтобы я сказала слово «соблазнить».

Порция продолжала сердито на нее смотреть.

– Ты хочешь стать его любовницей. Я полагаю, что это подразумевает в какой-то мере соблазнение.

– Я как-то об этом не подумала, но ты права. – Вероника подавила улыбку. – Допускаю, что я еще не все учла.

– Ты хочешь сказать, что не уделила должного внимания своему... намерению.

– Мне казалось, что я продумала все, но, выходит, ошибалась. Если у тебя есть какие-то предложения или советы или ты заметила какие-то препятствия, о которых я не подумала – помимо твоего мнения о скандале или приличии, – я с радостью их выслушаю.

Порция ответила не сразу.

– Хотя соблазнения я не одобряю...

Вероника снова подавила смех.

– Я, разумеется, одобрю любое твое предложение и любую твою попытку женить на себе Себастьяна.

– Женить? – Вероника подняла брови, хотя с чего ей удивляться словам Порции. – Милая, милая Порция, какое восхитительное предложение. Полное очарования и содержательности. Правда, я подозреваю, что твой кузен на это не согласится.

– Думаю, что нет. Себастьян вообще не интересуется женитьба. – Порция бросила взгляд на кузена, которого все еще окружали поклонники, в основном дамы. – Он слишком занят своими путешествиями, книгами и лекциями, чтобы интересоваться браком. Но если кто-нибудь сможет привести его к алтарю, так это ты. Готова держать пари.

– Это самое приятное, что ты когда-либо мне говорила. Не думай, что я не ценю твою веру в меня, а также твое предложение помочь, но... – она взяла Порцию за руку, – постарайся не пугаться. Дорогая, я хочу иметь любовника, а не мужа. У меня был муж, и я об этом не жалею, но желания

завести другого у меня нет. Я хочу приключения, а не рутины. Кажется, я ясно выразилась.

– Но...

– Однако я хочу мужчину на длительный период своей жизни, *affaire de coeur*¹ меня не интересует.

Порция поморщилась.

– Я стала бы замечательной любовницей. Ты же знаешь – я очень верная и преданная.

Теперь Порция выпучила глаза.

– Я намерена быть верной любовницей и ожидаю верности в ответ.

У Порции отвисла челюсть.

– Я превосходная хозяйка дома, у меня хорошо подвешен язык, и я сделаю честь любому мужчине с амбициями. – Взгляд Вероники снова устремился на Себастьяна.

В глазах Порции читался ужас.

– Я – выгодное приобретение. Уверена, что любой джентльмен с мозгами это понимает. Добавлю: когда дело коснется интимных моментов, меня нелегко поразить. Чарлз был... очень изобретателен.

У Порции вырвался сдавленный хрип, словно ее придушили.

– И я не стесняюсь признаться в том, что нахожу мысль стать любовницей весьма... весьма заманчивой, – закончила

¹ Любовная история, сердечные дела, эпизодическое любовное свидание (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

Вероника, произнеся все это невинным тоном.

Глаза Порции уже были где-то на лбу.

– То, чего ты хочешь, Вероника Смитсон, – это все атрибуты брака без каких-либо ограничений.

Вероника на минуту задумалась.

– О да. Я полагаю, во многом это так. Какое замечательное определение.

– Это нисколько не замечательно. Это скверно. Это разврат. Это...

– Блестяще. Абсолютно блестяще. – Вероника улыбалась, глядя на подругу. – И как умно с твоей стороны додуматься до этого.

– Я ни до чего такого не додумывалась! Я и помыслить не могу о чем-то подобном.

– Ты заслуживаешь похвалы.

– Мне не нужна твоя похвала! – Порция, прищурившись, посмотрела на Веронику. – Да ты меня дразнишь!

Вероника засмеялась.

– Лишь потому, что это очень занятно.

– Рада, что ты получаешь удовольствие, – рассердилась Порция и, чтобы успокоиться, сделала глубокий вдох. – Как мне переубедить тебя?

– Боже мой, Порция, не стоит так огорчаться. Можно подумать, что твой кузен уже дал объявление о желании заполнить любовницу, а я на него ответила.

– Это абсурд какой-то.

– Я просто говорю о своем намерении. И вообще между нами может ничего не произойти. Никто этого не знает. И мы еще не познакомились.

– Это правда, – кивнула Порция. – И ты ему можешь не понравиться.

Вероника вздохнула.

– Перестань. Не хочу этого слушать. Скорее он может мне не понравиться.

Но это маловероятно. Она тщательно выбирала сэра Себастьяна. Вероника не только прочитала его книги, но осторожно выведала, каково его финансовое положение и какой у него характер. С Порцией она могла позволить себе быть легкомысленной, но настроена была серьезно.

Это тот мужчина, который ей нужен. И этого мужчину она намерена заполучить. Если все пойдет гладко.

– Еще кое-что.

Порция с упрямым видом покачала головой:

– Я согласилась тебя представить, но дальше помогать отказываюсь.

– О нет, ты мне поможешь. – Вероника решительно смотрела на Порцию. – Дай слово, что ты не расскажешь Себастьяну или кому-нибудь еще, о чем мы говорили. И более того, если Себастьян и я...

– Если что?

– Если мы с ним договоримся об определенных отношениях, я бы предпочла держать это в секрете.

– Значит, секрет?

– Это кажется мне разумным.

– Вероника Смитсон, ты все-таки боишься скандала?

– Я не настолько эгоистична, – сухо заметила Вероника.

– Я никогда не умела хранить секреты.

– Что ж, дорогая, пора научиться.

Порция подумала секунду, потом сказала:

– Поскольку я предпочитаю, чтобы никто не узнал о твоём плане – и не важно, как он разовьётся, – я даю тебе слово. И как ты заметила, кто знает, что будет. Из этой затеи может ничего не получиться.

– Можешь произнести молитву, если это уменьшит твои страдания. А теперь, – Вероника снова взяла Порцию под руку и подтолкнула в сторону фойе, – пора встретиться с моим искателем приключений.

Глава 3

– ...и затем на следующей странице, когда вас окружили туземцы... – Юная темноволосая леди с обожанием взирала на Себастьяна. Этот взгляд был ему хорошо знаком. – Ой, у меня сердце замерло. Я представила, что стою рядом с вами.

– Это – самый большой комплимент для писателя, – сказал Себастьян. – Я очень рад, что вам понравилось то, как я изложил этот случай.

И Себастьян одарил ее радужной улыбкой из арсенала улыбок сэра Себастьяна Хэдли-Эттуотера. В такие моменты он всегда использовал эту улыбку. Улыбку, которая говорила молодым женщинам, что даже если он благодарен им за их восхищение, между ними не может быть ничего большего, кроме приятной беседы. А эта девушка хотя и весьма миловидна, но уж очень юна. Юные девушки представляют опасность не меньшую, чем та, что может поджидать в дебрях Богом забытых джунглей.

– Если бы я не знала, что вы выжили, я бы испугалась за вашу жизнь. Если бы вы умерли... – юная леди прочувственно вздохнула, – это было бы ужасно. Непереносимо.

– Согласен, – улыбнулся он. – Я бы расценил свою смерть как абсолютно ужасный случай. Я безмерно рад, что мне удалось ее избежать.

– И мы все тоже рады, сэр Себастьян. – Она захлопала

ресницами. – Я была бы убита горем.

Вот оно – радость и проклятие славы. Ох уж эти дамы, особенно молодые, которые прочитали его рассказы о путешествиях и приключениях и считают его героем. И часто только своим героем. За многие годы он научился проводить черту между поощрением и отказом, но, в конце концов, он же хочет, чтобы они продолжали покупать его книги и посещать его лекции. Чего он не хотел, так это того, чтобы они в своем воображении строили в отношении его личные планы. Этот путь не сулит ничего, кроме неприятностей, которых ему до сих пор удавалось избегать. Конечно, женщины постарше, опытные – это совсем другое дело.

– Сэр Себастьян. – Вперед пробился джентльмен.

Себастьян подарил юной леди еще одну улыбку, в которой читалось достаточно сожаления от того, что ему приходится перенести свое внимание на кого-то другого.

– Да?

– Как я понял, – начал джентльмен, – когда человек пересекает удаленные пространства в районе Нила...

Себастьян был весь внимание, но мысли его блуждали в другом месте. На заданный ему вопрос у него был готов ответ, поскольку он отвечал на него много раз и мог бы ответить даже во сне.

Где, черт возьми, Порция? И что более важно, где женщина, которая сидела рядом с ней? Было что-то интригующее в ее смелой, открытой манере смотреть прямо в глаза.

Ему приходилось и раньше встречаться со смелыми женщинами, но он не ожидал подобного поведения от приятельницы Порции. Женщина, которая носит такую шляпу... высокую, с перьями, цветами, лентами... Несомненно, это очень модная шляпа, несмотря на чрезмерность украшений. Женщина в такой шляпе твердо знает, чего хочет. Конечно, волевые женщины часто раздражают, но они при этом более интересны и им важна не только его слава, но и он сам. С такой дамой он хотел бы встретиться.

– Вы, должно быть, понимаете, что Нил и его окрестности уникальны и таят в себе определенные особенности... – сказал Себастьян, обращаясь к любознательному джентльмену.

Не то чтобы он не был рад увидеть кузину или других членов семьи. Да, он давно со всеми не виделся. Полностью его вина – он это признавал, и то же ему говорили братья, когда он обедал с ними в клубе. И мать указала ему на это, когда он нанес ей визит вскоре после возвращения в Англию. Старшая сестра тоже сделала ему выговор, потому что он посетил ее лишь после того, как неожиданно столкнулся с ее мужем. Укоры продолжались и в письменной форме каждый раз, когда он отказывался от приглашений на ее вечера. Даже две младшие сестры, которые всегда были о нем высокого мнения, не удержались от колких слов, когда он случайно их встретил. Лондон явно не такой уж крупный город, каким представляется большинству людей. Он намеревался повидаться со всеми, в том числе и с Порцией, но все как-то не

получалось. Он в Англии уже несколько месяцев, а выкроить время между написанием книги, лекциями и другими публичными встречами, а также покупкой дома совершенно невозможно.

– Но поскольку человек веками обживал эту территорию, то нетрудно представить...

Конечно, это слабая отговорка и абсолютно его не оправдывает. Он признает, что избегал семью, насколько это было возможно. Говоря по правде, при том, что общество признавало его успех, семья смотрела на него как на безответственного бездельника, каковым он был в юности. Для публики он был сэром Себастьяном, путешественником и человеком, состоящим исключительно из достоинств. Для семьи он был сыном, который так и не оправдал ожиданий.

– И в действительности, – продолжал он, – махинации правительства и чиновников в этом районе направлены на то, чтобы...

Однако он твердо решил изменить такое положение вещей. Он стал другим, возмужал. Через два дня после Рождества ему исполняется тридцать три года, и тогда он получит наследство, оставленное ему отцом. Но есть одно «если», и это «если» заключается в том, сочтут ли старшие братья, что он его достоин. Он хотел не просто получить наследство – он хотел, чтобы семья приняла его, а наследство олицетворяет одобрение семьи. Его первый шаг для создания внешнего лоска – это приобретение дома и достойного положения

солидного человека. Он решил сократить свои путешествия и проводить в Англии больше времени.

Честно говоря, он устал переезжать с одного места на другое – он делал это несколько раз в год. Устал перевозить туда-сюда багаж. Устал от череды прелестных женщин, которые появлялись в его жизни и вскоре исчезали – они расставались с ним так же легко, как и он с ними. Он насытил свою беспокойную натуру путешествиями и приключениями, а также женщинами и последние годы все чаще спрашивал себя, а не будет ли ему лучше, если он заведет дом и прочную семью. Вероятно, пришло время для нового вида приключений.

– Понимаю, – задумчиво произнес собеседник Себастьяна. – Это объясняет...

– Сэр Себастьян. – Мисс Брамхолл устремилась к нему со скоростью корабля, несущегося на всех парусах. От нее не отставал сэр Хьюго.

Себастьян насторожился, но встретил ее приятной улыбкой.

– Мисс Брамхолл, я полагаю, вы хотите продолжить нашу беседу.

– Разумеется. – Она сурово на него взглянула. Неплохо бы, если бы кто-нибудь напомнил ей старую поговорку: плохому началу плохой конец.

– Но прежде я хочу сказать, что вы затронули очень существенный вопрос.

– Да? – В голосе мисс Брамхолл прозвучало подозрение. –

Ну разумеется, это очень важно.

Себастьян про себя подумал, что, возможно, все обойдется.

– Женщины действительно делают большие успехи, – сказал он.

Она закивала:

– Да, это так.

– Вопрос членства, конечно, стоит обсудить.

Мисс Брамхолл внимательно на него посмотрела:

– Значит, я могу рассчитывать на вашу поддержку?

– Ни в коем случае! – загремел у нее за спиной голос сэра Хьюго.

Мисс Брамхолл раздраженно фыркнула и повернулась к директору клуба.

– По-моему, вас не приглашали для беседы.

– Я и без приглашения принимаю участие в любой беседе, имеющей отношение к работе этой организации.

Себастьян заметил, что толпа вокруг него заметно поредела – никто не захотел стать свидетелем столь неприятной стычки. Да и он тоже не хотел перебранки. Поэтому сделал шаг назад.

– Сэр Себастьян не имеет никакого отношения к этой дискуссии, – рявкнул сэр Хьюго. – Он даже не член правления.

– И не желаю им быть, – себе под нос пробурчал Себастьян.

Мисс Брамхолл выпрямилась, словно воин перед битвой.

– Разве он не является полноправным членом клуба?

Сэр Хьюго фыркнул.

– Вы прекрасно осведомлены.

– И разве он не является одним из самых уважаемых и прославленных членов клуба?

– У нас есть другие, более заслуженные члены.

– Как приятно это услышать, – пробормотал сэр Себастьян и сделал еще один шаг назад. Если повезет, то он сможет незаметно улизнуть.

– Невзирая на это, его мнение – как мнение всех членов – должно учитываться. – Мисс Брамхолл угрожающе прищурилась. – Вы согласны?

– Мы ценим мнение каждого члена клуба, – надменно произнес сэр Хьюго. – Каждый член независимо от его положения имеет право высказаться относительно вопросов управления этой организацией. И если бы я поставил это на голосование... – он вперился взглядом в мисс Брамхолл, – вы бы проиграли.

– Вот в чем дело! – Она чуть не ткнула ему в грудь пальцем. – Потому что это – организация трусов! Узколобых эгоистов, которые погрязли в трясине незыблемых традиций, устаревших еще полсотни лет назад!

Сэр Хьюго едва не задохнулся.

– Ничего подобного! Мы прогрессивные люди! Мы известны нашими передовыми взглядами по любому вопросу!

– Ха-ха! Вы, Хьюго Толливер, утратили способность идти вперед с того момента, как встали на ноги!

– Шарлотта Брамхолл, что вы себе позволяете! Но вы всегда отличались несдержанностью!

– Зато вы никогда ничего себе не позволяете! – Она наклонилась к сэру Хьюго. Глаза ее сверкали. Она понизила голос, и Себастьян не расслышал ее слов – и слава Богу! – но выражение лица сэра Хьюго лучше всяких слов свидетельствовало о том, что разговор отклонился далеко в сторону от основной темы. Очевидно, между мисс Брамхолл и сэром Хьюго существовала давняя вражда, намного более серьезная, чем вопрос о членстве для женщин.

Себастьян и прежде бывал в неприятных ситуациях и сразу понял, что надо удирать. Он быстро развернулся, сделал шаг и... оказался лицом к лицу с дамой в шляпе. Вернее, уткнулся носом в ее шляпу.

Она улыбнулась:

– Спасаетесь бегством, сэр Себастьян?

Карие глаза насмешливо смотрели на него. Он засмеялся:

– Боюсь, что это не очень отважный поступок с моей стороны.

Под полями шляпы ее лицо обрамляли темно-рыжие локоны. Она изогнула бровь.

– Вы? Бесстрашный сэр Себастьян Хэдли-Эттуотер? Что скажут ваши поклонники?

Он огляделся.

– Может, мы с вами об этом никому не скажем? Я бы не хотел разрушать чьи-либо иллюзии.

– Мои вы определенно разрушили. – Она покачала головой с печальным видом. – Из ваших книг я сделала вывод, что вас ничто не испугает. Помнится, я читала, что вы как-то в джунглях оборонялись от рассвирепевшего тигра.

– Мне было не так страшно, как сейчас. – Он взглянул на мисс Брамхолл и сэра Хьюго, которые все еще продолжали спорить, но хотя бы отошли в сторону, чтобы их не услышали. – И не так опасно, – добавил он, глядя на эту парочку.

Она рассмеялась. Какой у нее восхитительный, живой смех. И как заманчиво покачиваются при этом перья на шляпе. Да, вызывающие фасоны шляп порой не так уж плохи.

– Боюсь, вы застали меня врасплох.

– Получается, что так. – В ее глазах плясали смешинки.

– Вы знаете мое имя, а я не знаю вашего. – Он покачал головой. – Мне кажется, что это несправедливо.

– Согласна. – Она посмотрела ему в глаза с той же неприкрытой прямоотой, с какой смотрела с другого конца зала. Но сейчас он заметил в ее глазах вызов. Или приглашение. – Но меня мало волнует справедливость.

Он засмеялся:

– Как же я смогу нанести вам визит, если не знаю вашего имени?

– А вы намерены нанести мне визит?

Он наклонился к ней и тихо произнес:

– Мне кажется, что вы ждете этого от меня.

Она слегка повернула к нему голову и пристально посмотрела прямо в глаза. Ее лицо всего в нескольких дюймах от его лица, а рот...

– А если я не жду этого?

Его взгляд переместился ей на губы, потом снова на глаза.

– Тогда я погибну. Мое сердце превратится в пыль у вас под ногами.

– О, мы этого не допустим. – Взгляд у нее сделался невинным, но он этому не поверил. – Я ненавижу пыль.

– Ее имя леди Вероника Смитсон, – раздался сбоку возмущенный голос. – А я леди Редуэлл, Порция. Твоя кузина. Ты, очевидно, это забыл.

Он выпрямился, сделал шаг в сторону от леди Смитсон и повернулся к кузине.

– Порция! – Он взял ее за обе руки и расцеловал в щеки. – Я как раз хотел тебя найти.

– Сомневаюсь, – фыркнула Порция.

– Послушай, Порция, не надо сердиться. Я действительно был рад увидеть тебя в зале. – Он улыбнулся ей тепло и ласково. – Как поживаешь, маленькая кузина? Ты прелестно выглядишь.

– Себастьян, зря стараешься, – строго сказала Порция, но при этом очаровательный румянец залил ей щеки – от комплиментов Себастьяна она всегда краснела. – Я на тебя очень сердита.

– Нет, я ошибся – ты стала прелестнее, чем раньше.

– Ничего у тебя не получится, – не поддавалась на лесть

Порция.

Он смерил ее задумчивым взглядом.

– Неужели румянец и блеск в глазах – свидетельства того, что в твоей жизни появился новый поклонник?

– Себастьян!

Леди Смитсон подавила смех. Он склонил к ней голову и доверительно сказал:

– Моя мать говорит, что вся семья считает, что пора.

Леди Смитсон ответила тоже доверительно:

– Насколько мне известно, они всячески поощряют ее...

в этом направлении.

– Я еще здесь, если вы заметили, – сказала Порция, недовольно фыркнув. – Возможно, я и стала прелестнее – хотя это не так, – но, Себастьян, учти, что все комплименты на свете не возместят того, что ты в Лондоне уже давно, а до сих пор не нанес мне визита.

– Прости меня, Порция. Я намеревался это сделать. Правда. Но то одно, то другое... Послушай. – Он сдвинул брови. – А почему ты не зашла ко мне сама?

– Я? – удивилась Порция. – Ну, я не сочла это возможным. Я...

– Только не говори, что это неприлично. – Он бросил на леди Смитсон хитрый взгляд. – Видите ли, Порция всегда слишком беспокоится о соблюдении приличий.

– Неужели? Я не замечала. – Улыбка леди Смитсон говорила об обратном.

– Ты моя кузина, и я люблю тебя не меньше, чем собственную сестру. – Он укоризненно посмотрел на Порцию. – Ты ведь знала, что я в Лондоне? Я не делал из этого секрета.

– Ну да, я знала...

– Ты же знаешь: когда я в городе, то останавливаюсь в доме мистера Синклера.

– Он несколько не лучше тебя, – заметила Порция. – Думаю, он также не наносит визитов своим родственникам.

– Поскольку большинство из них живут в Америке, смею заметить, что дело в этом. Допускаю, что с моей стороны было невежливо не навестить тебя, но ведь это мне свойственно. – Он взглянул на леди Смитсон. – Я славлюсь тем, что уклоняюсь от семейных обязанностей и занят исключительно развлечениями. Порция может это подтвердить.

Порция поджала губы. А у леди Смитсон был такой вид, словно она с трудом сдерживает смех.

– Но такое отношение от Порции... – Он театрально вздохнул. – Вот уж не ожидал. Я ведь ее любимый кузен.

– Совершенно точно. – Порция закатила глаза к потолку, не в силах на него сердиться. – Ты всегда им был, хотя не знаю почему.

– Мы уравниваем друг друга. – Он перевел взгляд на леди Смитсон. – У Порции благопристойность на первом месте, а у меня – нет.

– У вас обоих много общего, – пробормотала себе под нос Порция.

– Разве, леди Смитсон? – Он встретился с ней глазами и озорно улыбнулся. – Это чудесно.

– Насколько это чудесно, мы увидим, сэр Себастьян. – Голос леди Смитсон прозвучал холодно, но глаза весело сверкали.

– Возможно, нам удастся потом обсудить наше общее отсутствие понятия приличия. – Себастьян посмотрел на мисс Брамхолл и сэра Хьюго, которые явно не собирались прийти к соглашению. Наоборот – их перепалка становилась все более горячей. – Я вовремя ретировался.

Леди Смитсон посмотрела сначала на мисс Брамхолл и сэра Хьюго, потом перевела взгляд на Себастьяна.

– Скажите, сэр Себастьян, вы действительно думаете, что она права?

– Да, – твердо сказал он. – Ценность любой организации, которая гордится тем, что стоит на переднем крае прогресса, заключается в способности обсуждать новые идеи независимо от того, насколько они кажутся скандальными.

– И вы считаете, что полноправное членство женщин в клубе – это скандальная идея?

У Порции вырвался тихий стон.

– Необходимо рассмотреть все аспекты предложения. – Себастьян аккуратно выбирал слова. – Клуб путешественников находится в конфронтации с Королевским географиче-

ским обществом за признание и престиж. Если мы примем в члены клуба женщин, то тем самым поставим себя в невыгодное положение.

– Ну прямо как в той истории про обезьян: пока одна обезьянка не спрыгнет с обрыва, ни одна из остальных этого не сделает.

Он нахмурился:

– Это очень крутой обрыв, и падать придется с большой высоты. Никому не хочется прыгать в одиночестве.

– В таком случае разговоры о передовом крае прогресса, – леди Смитсон пренебрежительно махнула рукой, – не что иное, как пустое заявление? Просто лозунг, который красиво звучит?

– Вовсе нет, – возразил он с некоторой долей раздражения. – Мы всегда занимаем лидирующую позицию.

– Но вы скорее будете обезьянкой, которая последует за другими, чем той, которая прыгнет первой?

– По крайней мере следующей обезьяне будет легче прыгать, – резко заметил он. Господи, а она может досадить. – Мы сделали огромные шаги вперед во многих областях.

– Но не в этой области.

– Погода на удивление холодная для этого времени года. Вы так не считаете? – вмешалась перепуганная Порция, но они не обратили на нее никакого внимания.

– Именно эта область является спорной, – твердо заявил он.

– Сомневаюсь, потому что большинство членов Клуба путешественников также являются членами Географического общества. Поэтому неудивительно, что обе организации смотрят на эту проблему совершенно одинаково, – безапелляционно заявила леди Смитсон, пожав плечами.

– Значит, с этим вопросом покончено?

– Да. – Она кивнула. – Но на мой вопрос вы не ответили.

Порция снова поспешила вмешаться:

– Глупости. Конечно же, он...

– И какой это был вопрос, леди Смитсон?

– Я спросила вас, считаете ли вы членство женщин скандальным. Итак? – Голос ее звучал холодно. – Считаете или нет?

– Леди Смитсон. – Он очень хотел получше узнать эту женщину, но и обманывать ее не собирался. Тем не менее нет нужды быть абсолютно искренним. – Я хожу по узкой дорожке между этими двумя организациями. И та и другая субсидируют и поддерживают мои экспедиции и путешествия.

– А вы не хотите портить отношения ни с одной из них.

У него вырвался вздох облегчения – кажется, она поняла его.

– Совсем не хочу.

– Высказываясь в пользу женского членства, вы не найдете сторонников ни в одной из этих организаций.

– Значит, вы меня понимаете.

– Абсолютно. – Она слегка улыбнулась. – Но поскольку я

не являюсь членом ни одной из этих организаций, то ваш ответ – ваш секрет – никто не узнает. – Она чуть ближе наклонилась к нему и посмотрела прямо в глаза. – Скажите мне, сэр Себастьян, как вы думаете, женщинам следует стать членами этого клуба или Географического общества?

Он тоже смотрел ей в глаза, такие глубокие и... гипнотизирующие. Чертовщина. Он медленно выдохнул.

– Нет, я так не думаю.

Она выпрямилась.

– Понимаю.

– Понимаете?

– Какая необычная погода, – снова завела свою песню Порция. – Холодно и довольно...

– Меня это не удивляет. Ваше мнение такое же, как у большинства мужчин и, как я полагаю, у большинства членов Клуба путешественников. Вы считаете, что женщина должна занимать свое место. А я считаю, что женщины могут делать то, что пожелают, если у них есть на то способности, – ровным тоном произнесла леди Смитсон. – Касается ли это членства в какой-либо организации, либо открытия новых земель, либо управления собственными доходами.

Он сдвинул брови.

– Тогда, боюсь, нам с вами придется согласиться с тем, что у нас разные мнения.

Она ослепила его улыбкой.

– Я не нахожу в этом особой трудности.

Он удивленно на нее посмотрел:

– Вы принадлежите к типу женщин, которым нравятся споры. Я прав?

– О Господи, – вырвалось у Порции.

А леди Смитсон засмеялась:

– Разве это не весело? Ничего нет полезнее хорошего спора. Это так взбадривает.

– Значит, вы не считаете, что женщин следует принимать в члены клуба.

– Ерунда. Конечно, я за. Просто этот вопрос не настолько меня занимает.

– А что вас занимает, леди Смитсон?

– Шляпы, – заявила Порция. – Она обожает шляпы. Шляпы – ее страсть.

– Да, это так. Шляпы – одно из моих многих... – она пристально смотрела ему в глаза, от чего он едва не задохнулся, – увлечений. Таких, как, к примеру, споры.

– И вы попытаетесь изменить мое мнение по этому вопросу? – Он улыбнулся. – Постараетесь склонить меня на свою сторону?

– Разумеется, постараюсь, поскольку права я, а вы – нет. Однако, – она тоже улыбнулась, – я не жду от вас согласия со мной лишь потому, что я этого хочу. Вы такой, какой есть, и вас следует принимать таким. Как и меня.

Он засмеялся.

– Возможно, если бы это требование защищали вы, а не

строптивная мисс Брамхолл, то небольшие шансы на успех у вас были бы.

Порция изменилась в лице, а у леди Смитсон изогнулась бровь.

– Вы так думаете?

– Да.

– Почему?

– Потому что не могу представить, чтобы какой-либо мужчина устоял перед вами или перед вашими доводами. – И опять их взгляды встретились.

– Даже вы?

– Особенно я.

– Потому что доводы настолько бесспорны?

– Потому что в вашем изложении они звучат восхитительно.

– Прошу меня простить, – возмутилась Порция, – но я все еще здесь, чего ни один из вас не заметил.

– Дорогая, приношу свои извинения. Твое присутствие всегда ощутимо. – Леди Смитсон с доброй улыбкой посмотрела на Порцию.

– И меня тоже прости, Порция, – улыбнулся кузине Себастьян. – Мы увлеклись... – он прокашлялся, – нашим жарким спором.

– А я опоздала спасти сэра Хьюго от жаркого спора со строптивной мисс Брамхолл. – Леди Смитсон посмотрела на эту пару, которая продолжала препираться, и засмеялась. –

Цвет лица сэра Хьюго внушает мне беспокойство, но что касается дамы, то она получает удовольствие от этой дискуссии. Полагаю, этого и следовало ожидать, – леди Смитсон шаловливо улыбнулась сэру Себастьяну, – поскольку она – моя тетя.

– Что неудивительно, – слабым голосом произнес он.

– Наконец-то все выяснилось, – пробормотала Порция.

– Должна сказать, сэр Себастьян, что я получила удовольствие от нашей встречи. А ваша лекция просто восхитительна, – сказала леди Смитсон и кивнула Порции: – Порция, до свидания.

Она направилась было к своей тете, но Себастьян сделал шаг вперед и преградил ей путь:

– Леди Смитсон.

Она остановилась.

– Да?

– Возможно, у вас вдруг возникнет желание поспорить, ну просто ради удовольствия... – Он улыбнулся. – Я подозреваю, что мы с вами разного мнения по очень многим вопросам.

– Думаю, что список был бы бесконечен. – Она с минуту изучающее смотрела на него, потом сказала: – Я собираюсь послезавтра покататься в парке. Во второй половине дня.

Он едва не задохнулся.

– Я собираюсь сделать то же самое. Послезавтра, во второй половине дня.

– Какое совпадение, – пробурчала Порция.

– Тогда, вероятно, наши пути пересекутся?

– Я буду вне себя от горя, если этого не произойдет, – со смехом ответил он. – И удивлен.

– Как и я. – Леди Смитсон кивнула, повернулась и пошла спасать сэра Хьюго.

Сэр Себастьян проводил ее долгим взглядом. Ее бедра под турнюром заманчиво покачивались. А высоко над головой подрагивали перья. И все это покачивание и подрагивание породило дрожь у него внутри. Странное и в то же время очень знакомое ощущение. Похожее на то, что он всегда испытывал, отправляясь в новое путешествие.

– Ну-с, это определено было... – начала Порция.

– Расскажи мне о ней, – прервал кузину Себастьян. – Я хочу знать о ней все.

– Кажется, сегодня это моя участь, – фыркнула Порция. – Ты спрашиваешь о ней. Вероника спрашивает...

– О? Она спрашивала обо мне?

– Ты же известная личность, Себастьян. О тебе все люди знают всё.

– Не всё. – Он не мог удержаться от самодовольной улыбки. – Итак, она проявила интерес?

– Если я тебе скажу, тыобразишь неизвестно что. – Порция вздохнула. – Ну хорошо, что ты хочешь о ней узнать?

– Она замужем?

– Ее муж умер три года назад, примерно в то же время,

когда я потеряла Дэвида. Мы познакомились в следующем году.

– Понятно. – Его взгляд снова устремился к леди Смитсон, которая пыталась утихомирить спорщиков. – Она до сих пор в трауре по мужу?

– В какой-то мере человек никогда не перестает скорбеть, – резко ответила Порция. – Однако... – Она вздохнула. – Если ты спрашиваешь, оставила ли она прошлое позади, то почти во всем – да.

– Почти во всем?

– У Вероники своеобразная манера ко всему относиться. Хотя она и стала моей очень близкой подругой, в этом отношении мы совсем не похожи.

Он нахмурился и повернулся к Порции:

– Я не улавливаю, что ты хочешь этим сказать.

Порция задумалась.

– Вероника никогда не раздумывает, она делает и говорит то, что хочет. Мне кажется, что такой характер у нее был еще до брака, но с тех пор не изменился. Муж был намного ее старше, и после его смерти она больше не выходила замуж. Я всегда себя спрашиваю, а не ее ли необычный характер – не могу подобрать более подходящего слова – привлек его. Она очень своевольная, безо всякого почтения к традициям.

Он кивнул:

– Ты имеешь в виду место женщины в обществе.

– Не только это – вообще все. У меня частенько возникало

желание надрать ей уши. И тем не менее, – Порция пожала плечами, – она – моя лучшая подруга.

– Послушай, Порция, – он с удивлением смотрел на кухню, – я никогда не мог представить, что у тебя есть подруга, которая хоть иногда не придерживается условностей.

Порция покачала головой.

– Не иногда, а всегда. Она в высшей степени чужда всем условностям и намного прогрессивнее в своих представлениях, чем положено любой приличной женщине. – Порция наклонилась и доверительно зашептала: – Знаешь, она считает, что женщины должны иметь право голоса.

Себастьян изобразил ужас:

– Только не это.

Порция не обратила внимания на его саркастический тон.

– Я нахожу некоторые ее представления о жизни ужасающими, а другие – скандальными. Но все-таки я ее ни на кого не променяю. – Порция пронзила Себастьяна выразительным взглядом. – И не позволю никому ее изменить.

У Себастьяна брови поползли вверх.

– Да ты сама изменилась, маленькая кузина.

– Ничего подобного. Я никогда не меняюсь. И не собираюсь меняться. Так вот, насчет Вероники. Тебе следует знать, что она очень умная. Самая умная из всех женщин, которых я встречала.

– Это хорошо, – усмехнулся он. – Мне нравятся умные женщины.

– Возможно, она даже умнее тебя.

– Ну, это маловероятно, – хмыкнул он. – Что еще?

– Она всегда права и редко признает свою неправоту.

– Занятно. Я тоже всегда прав.

– Она слишком независима.

Он кивнул:

– Как и я.

– Но она женщина. Это неприлично.

Себастьян сдержал улыбку.

– Продолжай.

Порция заколебалась, говорить ли это.

– Хотя она сильная женщина – я таких сильных никогда не встречала, – но мне кажется, что у нее ранимая душа, хотя она и напускает на себя вид, что ей все нипочем.

– Притворяется?

– Не перевирай моих слов. Я просто думаю, что она много не показывает. – Порция прищурилась. – Я бы не хотела увидеть того, кто станет играть ее чувствами.

– У меня нет подобного намерения.

– Значит, ты, Себастьян Хэдли-Эттуотер, тоже изменился, – заявила Порция. – Вероника не та женщина, чувствами которой можно играть, – предупредила она кузена.

– Ты абсолютно права. – Себастьян опять посмотрел на леди Смитсон – взяв под руку тетю, она твердым шагом повела ее к двери. – Чувствами таких женщин не играют. – Он задумчиво улыбнулся и уточнил: – На таких женятся.

Глава 4

Господи, какая же она дура!

Вероника устроилась поудобнее на мягком сиденье открытого ландо и плотнее натянула накидку. Что на нее нашло, когда она сказала сэру Себастьяну, что сегодня будет кататься в парке? Наверное, это произошло потому, что она отвлеклась на тетушку и сэра Хьюго – необходимо было развести их в разные стороны, пока сэр Хьюго не пострадал... физически. Она решила, что в это время года в парке будет мало народу, что входило в ее планы. Как бы Вероника ни пренебрегала условностями, очевидных глупостей она предпочитала не делать. А парк – публичное место, и обвинить ее в чем-то непристойном никак нельзя. Во время светского сезона едва ли можно было двигаться быстрее черепахи, но ведь в сезон в парке гуляли исключительно для того, чтобы на других посмотреть и себя показать. Вероника любила кататься в бодрящую погоду, однако в этом году холод наступил слишком быстро. Уже и в октябре, и в ноябре шел снег. Кто знает, что сулит декабрь?

Слуги сочли ее ненормальной, когда она настояла на том, чтобы опустить верх экипажа. И кучер, и дворецкий, и горничная, все пытались переубедить ее, но зря старались. Вероника крайне редко меняла свое решение. Но в общем, все оказалось не так уж страшно. Она укутала колени одеялом,

а ноги поставила на горячий кирпич. Это ее согрело, и она перестала дрожать.

А где же сэр Себастьян? Столь маленькая неприятность, как холодная погода, разумеется, не могла остановить такого бывалого путешественника, как он. Вероника выпрямилась и обвела глазами парк, затем со вздохом откинулась на спинку сиденья. Может, она высказалась чересчур неопределенно? А может, отпугнула его своей склонностью к жарким спорам и передовым взглядам? Но все-таки нужно что-то большее, чем ее прямолинейность, чтобы отпугнуть храброго и стойкого мужчину, каким является сэр Себастьян, – его подвиги это доказали. Если только она не обманывалась на его счет... Вполне вероятно, что он опасается этой встречи так же, как она.

Страх и неуверенность были несвойственны Веронике. Но ведь прежде она ни разу не пыталась завоевать мужчину. Если уж быть честной, то она не была полностью уверена в том, что действует правильно, пытаясь добиться задуманного. Вероника поморщилась. Конечно, она подкалывала Порцию, заявив ей о своем намерении стать любовницей Себастьяна, но насколько бы это все упростило.

Как замечательно было бы просто сказать ему, что она приняла для себя это решение по многим причинам, которые его не касаются. А потом добавить, что она выбрала его по причинам, которые опять же его не касаются, но очень ее привлекают.

Вероника посмотрела вперед и увидела знакомую одинокую фигуру, направлявшуюся к ней по запорошенной снегом траве. Какое облегчение! Он шел большими решительными шагами с таким целеустремленным видом, словно его ожидали более неотложные дела, чем обычная прогулка в карете по парку. Вероника довольно улыбнулась. Это будет не совсем обычная прогулка.

Она узнала и о его книгах, и о путешествиях – хотя это ее не слишком увлекло – задолго до того, как познакомилась с его кузиной. Он ведь очень известный человек. Ее покойный муж им восхищался и в своей библиотеке имел книги сэра Себастьяна.

Но Вероника прочитала их совсем недавно, несколько месяцев назад. Она не была уверена в том, что мысль стать любовницей сэра Себастьяна пришла ей в голову после прочтения его книг. Возможно, это было счастливым совпадением – она заинтересовалась этим человеком в то самое время, когда решила, что предпочитает быть любовницей, а не женой. И как кстати оказалось, что он – родственник одной из ее любимых подруг.

Он приближался, и сердце у нее затрепетало. Вполне понятные волнение и опасение. Хотя у Вероники были свои собственные моральные устои и правила поведения, которые, вполне возможно, оскорбляли тех, кто придерживался строгих рамок приличий, но, помимо мужа, других мужчин в ее жизни никогда не было. Обольстил ее только Чарлз, и

она не сопротивлялась этому. Иногда она себя спрашивала, способна ли вообще любая женщина питать к этому отвращение. Чарлз пользовался дурной репутацией, когда они познакомились. В основном в отношении женщин. Нельзя сказать, что она откликнулась на его притязания не раздумывая. Она его... хотела, ощущая незнакомое доселе томление. Это был скорее зов плоти, а не любовь. Но разочарованной она не осталась. Веронике казалось весьма странным, что многие жены считают интимные отношения скорее долгом, чем удовольствием. Но в таком случае Чарлз был необычным мужчиной. Так же, как она – необычной женщиной.

– Генри, – крикнула она кучеру, – останови карету!

– Но, леди Смитсон... – Генри увидел сэра Себастьяна и все понял. – Вы намерены идти пешком, миледи?

– Не в этих же туфлях. – Ее взгляд был прикован к сэру Себастьяну – на его лице появилась широкая улыбка, он помахал ей рукой и ускорил шаг. – Думаю, что ко мне присоединится сэр Себастьян.

– Как пожелаете, миледи, – бесстрастно ответил Генри, но в его голосе прозвучало едва заметное неодобрение.

Родственники Порции были не одиноки в своих мыслях о том, что три года – вполне достаточный срок для траура у женщины ее возраста. Но если бы Генри точно знал, что у нее на уме, то неодобрение отразилось бы и на его лице. Выгода от того, что слуги работают у тебя не один год, это их безусловная верность. Они были почти частью ее семьи на-

равне с кровными родственниками. С другой стороны, Генри и остальные слуги были слишком хорошо вышколены, чтобы произнести что-либо вслух, но в то же время не стеснялись показать, что они думают о ее поведении. Она частенько думала о том, как же трудно быть верным, безупречным слугой, когда твоя госпожа живет по собственным правилам, отличным от тех, что приняты в светском обществе.

– Какой хороший день, леди Смитсон, – радостно произнес сэр Себастьян. Вероника надеялась, что эта радость распространяется и на нее, а не только на морозную погоду.

– Добрый день, сэр Себастьян, – кивнула она. – Удивительно, что вы пешком. Я думала, что вы намеревались покататься.

– В такой замечательный день? Да никогда. – Он глубоко вдохнул свежий воздух и огляделся. Очевидно, его радость распространялась исключительно на чудесную погоду.

– Да? – Она изогнула бровь. – Кажется, довольно холодно.

– Это освежает. – Он сделал еще один глубокий вдох. – И очень бодрит. Заставляет кровь быстрее бежать по жилам.

– В тщетной попытке согреться, – еле слышно произнесла Вероника.

Он засмеялся:

– Да что вы, леди Смитсон. Согласен, что сейчас немного холоднее, чем обычно в это время года, но в холодном воздухе есть что-то такое... оживляющее.

– Мне представляется, что тот, кто часто жил в тропиче-

ском климате, как вы, питает отвращение к холоду.

– Как раз наоборот. – Он покачал головой. – Когда от жаркого солнца кожа покрывается волдырями, начинаешь ценить тот климат, в котором прожил большую часть жизни. По крайней мере со мной происходит так.

– В таком случае ваше следующее путешествие – это полярная экспедиция.

Он хмыкнул.

– Думаю, что даже для меня это слишком холодно. Но сегодня идеальный день для прогулки. Вы не присоединитесь ко мне?

Она улыбнулась.

– С удовольствием. Генри, – окликнула она кучера, – я все же пройдусь.

Генри чуть не задохнулся, потом закашлял.

– Как пожелаете, миледи.

– Будь так добр, езжай следом за нами.

Сэр Себастьян открыл дверцу кареты и помог ей выйти. Его рука была теплой и крепкой. У нее по телу пробежала приятная дрожь. Он предложил ей руку, и они неспешно пошли вперед. Себастьян старался идти с ней в ногу, принаравливая к ней свои длинные шаги.

– Скажите, сэр Себастьян, вы собираетесь пожить в Англии, или вы уже намечаете следующее путешествие?

– Мои планы никогда не бывают определенными. – Он засмеялся. – Но обозримое будущее я собираюсь провести в

Англии. Я бы хотел какое-то время сосредоточиться на написании книг. Большинство людей никогда не увидят тех мест, где побывал я, и я нахожу огромное удовольствие в том, чтобы разделить с ними мои приключения. Я также подумываю о том, чтобы изложить мой опыт в художественной прозе.

– Как мистер Хаггард² с его героем Аланом Куотермейном?

– Что-то вроде этого.

– «Копи царя Соломона»³ пользовались большим успехом, как вы знаете, и этот роман объявили даже самой занимательной из когда-либо написанных книг.

Он взглянул на нее.

– Вы его прочитали?

– Пока нет. Должна признаться, что в последнее время я была занята чтением подлинных историй о путешествиях – а именно книг сэра Себастьяна Хэдли-Эттуотера.

– И?..

Она удивленно приподняла брови.

– Ждете комплимента?

Он улыбнулся.

– Разумеется.

– Хорошо. – Она на секунду задумалась. – Я нахожу ваши книги чрезвычайно захватывающими. Мне также нравится

² Г.Р. Хаггард (1856–1925) – английский писатель, автор приключенческих романов.

³ Один из лучших романов Хаггарда.

манера изложения – ваш стиль, я хочу сказать. По правде говоря, я даже не представляю, как приключения вымышленного героя могут быть более убедительными, чем то, что пережили вы в действительности. Такого комплимента достаточно?

– Достаточно, – кивнул он. – Помимо писательской деятельности, есть еще мой дом. И должен признаться, что я по нему скучаю.

– Не может быть, – удивилась она.

– Вас это поразило? – усмехнулся он. – Никто не считает людей, подобных мне, сентиментальными там, где дело касается дома и семьи. – Он взглянул на нее. – У меня, видите ли, довольно большая семья.

– Порция говорила об этом, – кивнула Вероника. – Кажется, три сестры, помимо вашей кухни, а также два старших брата.

– Я младший из четырех братьев, но мой самый старший брат, Ричард, умер несколько лет назад.

– Примите мои соболезнования, сэр Себастьян, – с искренним сочувствием произнесла она.

Он пожал плечом, словно это уже пережитая утрата, но грусть, промелькнувшая в его глазах, сказала ей обратное.

– Он никогда не отличался крепким здоровьем по сравнению с остальными. – И снова оживился. – Мы выносливые и смелые. Даже Порция, хотя она предпочла бы, чтобы ее такой не считали.

– Смелость – не то качество, которое характерно для Порции, – засмеялась Вероника. – Однако она говорила о том, что выносливость необходима, когда растешь среди семерых детей.

– Прошу учесть, что упрямые характеры моих братьев и сестер ни в коей мере не отрицают добропорядочности семьи в целом. – Он печально покачал головой. – Порция не одинока в своем стремлении к благопристойности. Мы – на редкость приличная семья, славящаяся своей респектабельностью и совершенно не склонная к скандалам.

– За исключением вас?

– Мне всегда доставлял удовольствие изрядный скандал... к ужасу моей семьи. – Он доверительно склонился к ней. – Я – паршивая овца в стаде.

– Да, у вас есть определенная репутация в этом отношении.

Он засмеялся:

– Уверяю вас – хотя я ее заслужил, – все немного преувеличено.

– Что неудивительно, не правда ли? – Она одарила его милой улыбкой.

– Это – самая неприятная сторона известности.

– Неприятная? С трудом в это верю.

Он покачал головой.

– Я бы предпочел, чтобы мне воздавали должное за мои реальные дела, хорошие или не очень, чем за то, что пред-

полагается.

– Значит, легионы женщин – это предположения?

Он закашлял и с удивлением покачал головой:

– Господи, леди Смитсон, а вы прямодушны.

– Разве Порция вас не предупредила?

– Она говорила, что вы весьма откровенны. Она считает откровенность скандальной.

– Могу ли я сказать вам кое-что по секрету, сэръ Себастьян?

– Сделайте милость.

– С самой первой встречи с Порцией я не нахожу ничего занятнее, чем поддразнивать ее своей откровенностью.

– Вас это веселит?

– Чрезвычайно. – Она рассмеялась. – Скажите, а вам нравится шокировать вашу семью?

– Мою семью легко шокировать. – Он тяжело вздохнул. – Всем было бы намного приятнее и спокойнее, изучай я право, или служба в армии, или даже занимаясь каким-нибудь почтенным видом коммерции. Или если бы я пошел по церковной линии. – Он поднял брови. – Вы можете представить меня священником?

– О, ваши проповеди были бы очень интересными.

– Боюсь, что меня лишили бы сана после первой же, – рассмеялся он. – И даже в этом случае у нас в семье есть те, кто предпочел бы неспособного пастора любителю приключений, путешественнику, писателю, лектору...

– Не забудьте про исследователя.

– Исследователь – это звание, которое дается тому, кто отважится выйти за границы обычного эксперимента. Его надо заслужить. – Он покачал головой. – Я никогда не был первым человеком, ступившим на необитаемую землю. Я никогда не открывал потерянных цивилизаций или неизвестного доселе устья большой реки. Также я ни разу не сделал никакого важного открытия, хотя то, чему посвятил свое время, было не так уж плохо.

– Понимаю. – Ее взгляд сделался внимательным. – Вы сожалеете об этом?

– О замечательном времени? – Он сверкнул улыбкой. – Ни одну минуту.

– Я имела в виду другое: то, что вы не открыли ничего значительного.

– А мне следует сожалеть? Полагаю, что было бы приятно открыть что-нибудь эдакое. – Они молча шли по дорожке. – В мои намерения не входило открывать неизведанные миры, когда я впервые занялся путешествиями. Но то, что можно назвать орудием для открытий, определило мой жизненный путь.

– Да?

Он остановился, полез в карман жилета и извлек маленький компас.

– Я еще мальчиком нашел его в старом сундуке. Никто из домашних не мог мне сказать, кому принадлежал старин-

ный компас. С тех пор я с ним не расстаюсь. Это моя самая ценная вещь. – Он протянул ей компас. Она взяла его и с любопытством стала разглядывать. Металлическая вещица хранила тепло его тела. – На крышке надпись, – сказал он.

Она перевернула компас и прочитала едва заметно выгравированные слова: «In ambitu, gloria». Вероника посмотрела на Себастьяна:

– Я не сильна в латыни. Что это значит?

– «В поисках славы».

– Это фамильный девиз? – Она вернула ему компас.

– Нет. Теперь это мой девиз. – Он положил компас обратно в карман. – Мне он подходит. Путешествие важнее, чем цель.

– Как мудро. – Она задумалась. – Если вы не собирались открывать неизведанное, то, может, вы, учитывая выбор профессии, всего лишь хотели поразить семью?

Он весело на нее взглянул.

– Леди Смитсон, если бы я не был уверен, что это не так, то счел бы вас журналисткой одной из тех газет, которые всегда перевирают факты. А может, вы и есть журналистка? – Он шутливо сдвинул брови.

– Нет, конечно, – рассмеялась она. – Но какая замечательная мысль.

– Вы задаете очень много вопросов.

– А вам удастся на многие не ответить.

– Прошу меня простить. Я не хотел показаться уклончи-

вым. У меня просто нет ответов. – Он на секунду задумался. – Когда я начал вести – и веду до сих пор – ту жизнь, которая меня интересует больше всего, я не ставил никакой особой цели, за исключением, возможно – и как вы это отметили, – не делать того, чего от меня ждала семья. – Он внимательно посмотрел на нее. – Это, конечно, не назовешь достойной восхищения целью, на достижение которой можно тратить свою жизнь.

– И все же вы, кажется, весьма в этом преуспели.

– Поверьте мне, никто больше, чем я, не шокирован этим фактом.

Она засмеялась. Он предложил ей руку, и они продолжили прогулку.

– Дороги жизни, по которым мне предлагалось идти, все представлялись ужасно скучными. Провести свои дни, занимаясь делом, которое мне не по душе... подобная судьба была для меня хуже смерти. Это было бы существованием, а не жизнью.

Она кивнула.

– Но у вас был выбор.

– Что вы имеете в виду?

– Вы – мужчина и могли делать то, что захотите, независимо от того, одобряет это ваша семья или нет. У женщины такого выбора нет.

– И все же, насколько я понял, вы делаете то, что пожелаете.

– Я не типичная женщина. – Вероника улыбнулась. – Мне повезло – в моей семье у всех передовые взгляды. К тому же я никогда материально ни от кого не зависела. Ничто не делает тебя свободной от осуждения общества, как финансовые возможности жить так, как хочешь. Большинству женщин не столь повезло.

– Везение никогда не следует недооценивать. – Он усмехнулся. – Я хорошо заучил истину, что удача лучше, чем мастерство. Благодаря удаче вы попадаете в нужное место в нужное время. Например: везение заставляет вас нагнуться, чтобы вынуть камешек из башмака и таким образом избежать стрелы, которая просвистела у вас над головой.

– Вы писали об этом случае. – Она плотнее приникла к его теплой руке, чтобы согреться. – Я согласна – удачу часто недооценивают.

– И еще удача, леди Смитсон... – он смотрел ей прямо в глаза, – удача – это когда твоя любимая кухня становится ближайшей приятельницей дамы, которая может изменить твою жизнь.

Сердце у нее подскочило. Но почему? Как раз сердце ее не задето. Конечно, она рассчитывает на привязанность, но ничего большего. Сердце никогда прежде не бунтовало против задуманного ею.

Вероника фыркнула.

– Полнейшая глупость.

– О, я весьма искусен по части всех видов глупости, – се-

рьезно заметил он.

– В таком случае, сэра Себастьян, хватит глупостей. – Ей не удалось скрыть улыбку. Этот человек очень ее занимает.

– Не будете ли вы столь любезны называть меня Себастьяном?

– Это было бы в высшей степени неприлично, – высокомерно ответила она.

– Но ни вы, ни я не придаем особого значения приличиям.

– Тем не менее...

Он наклонился к ней и тоном заговорщика произнес:

– Это повергнет в ужас Порцию.

– Тогда выхода у нас нет, Себастьян. – И, помолчав, сказала: – В свою очередь, предлагаю отказаться от леди Смитсон. Я просто Вероника.

– В вас нет ничего простого, Вероника. У меня предчувствие, что, познакомившись с вами, я открою для себя самую сложную женщину, каких я когда-либо знал. И... – он положил ладонь поверх ее руки, – я намерен добиться успеха в этом исследовании.

И снова предательское сердце затрепетало у Вероники в груди. Она решила не придавать этому значения и легкомысленным тоном произнесла:

– Что ж, я – та дама, которая в конце концов изменит вашу жизнь.

Он улыбнулся, и его улыбка показалась ей уж чересчур довольной.

– Отчего вы так улыбаетесь?

– По-моему, это очевидно.

– Вовсе нет. – Она нахмурилась. А вот это не входило в ее план. Во-первых, он не согласился с ней относительно погоды – вернее, не высказал несогласия по этому поводу, а она не припоминала, когда в последний раз уступила чьему-либо мнению по поводу погоды или вообще по любому поводу. Затем он вынудил ее пройтись, хотя у нее не было намерения это делать, учитывая холод и то, что ее туфли не предназначены для прогулок по снегу. С ним, конечно, весело, он обладает несомненным шармом. Она не знала, как это произошло, но... верховодит он. И всего лишь благодаря одному загадочному замечанию о том, что она меняет его жизнь. Что за полнейшая глупость... как нелепо.

Она остановилась, убрала руку с его руки и сделала глубокий вдох.

– Себастьян, я... – И тут она чихнула.

– Господи, вы замерзли? – В его глазах появилась озабоченность. – Прошу меня простить, Вероника. Какая беспечность с моей стороны. – Он взял ее руки в свои и начал быстро растирать обтянутые перчатками пальцы. – Как же я не подумал, что вы не одеты для прогулки пешком! – Он снова взял ее под руку и повел к карете. – Вы меня прощаете?

– Все не настолько...

– Позвольте мне загладить свою вину. – Они подошли к карете, и он повернулся к ней лицом. – У меня есть билеты на

пьесу в Театр принца Уэльского. Спектакль состоится через три дня, а еще через три дня будет банкет в Клубе путешественников в честь... чего-то или кого-то. Я был бы счастлив, если бы вы вместе со мной посетили оба этих вечера.

Она покачала головой:

– Я, право, не уверена...

– Я приглашаю вас вместе с вашей восхитительной тетушкой, – добавил он. – Чтобы соблюсти все правила приличия.

– Я думала, что мы одинакового мнения на этот счет.

– Разумеется. – Он взял ее руку и, глядя прямо в глаза, поднес к губам. – Я пренебрегаю условностями, Вероника, но не сейчас.

– Не сейчас?

– Нет. – Он помог ей сесть в карету и повернулся к кучеру: – Генри!

– Да, сэръ?

– Генри, пожалуйста, отвезите леди Смитсон прямо домой и проследите, чтобы она как следует согрелась. – Себастьян склонился к ней и понизил голос: – Я сожалею, что не смогу сам этим заняться.

Жар бросился ей в лицо, но она не придавала этому значения и тоже понизила голос:

– Что вы имеете в виду, сказав «не сейчас»? Что вы задумали?

– Вероника, не может быть, чтобы вы на самом деле хотели это узнать. Это испортит вам веселье. – Его глаза озорно

зажглись. – И мне тоже. – Он дал знак Генри, и карета двинулась вперед.

– Я не дала согласия ни на театр, ни на банкет, – крикнула она. – У меня могут быть другие планы.

На его лице играла все та же довольная улыбка, которую она у него уже видела. Он дотронулся до полей шляпы и кивнул на прощание:

– До свидания, леди Смитсон.

Повернулся и ушел. Она смотрела ему вслед. Нет, все произошло совсем не так. Иначе она представляла себе их первую встречу. А знала ли она точно, как это будет? И уж конечно, она не думала спрашивать о его намерениях. Но это и не важно – у нее свои собственные намерения: она должна стать его любовницей. Это похоже на преследование с ее стороны, но, очевидно, он этого не понимает.

А как получилось, что ее план вдруг дал трещину? Ведь из-за него она... разволновалась. Да, именно так. Разволновалась. Вероника Смитсон никогда не волновалась и не нервничала, и ей это совсем не понравилось. Мало того – у нее внутри что-то кольнуло... похожее на желание. Господи, что с ней? Ну, все будет по-другому, когда они встретятся в театре... Если только она туда пойдет.

Конечно, пойдет. Что касается того, чтобы прийти вместе с тетей... Это нарушит ее план побыть с ним наедине. Но все же... приличия будут соблюдены, и это... безопасно.

Боже! Она раньше никогда не думала о том, что опасно, а

что нет. Женщины, которые вознамерились стать любовницами, не должны беспокоиться об опасности. Но в этом человеке было что-то такое, что затронуло опасные зоны глубоко внутри. Предательское сердце, несомненно. Почему оно то прыгает, то трепещет? Она не допустит подобной глупости, никакого томления или желания.

А как объяснить, почему он ее взволновал? Объяснение, очевидно, кроется в том, что она до сих пор никогда не добивалась расположения мужчины. Поэтому-то сердце у нее к этому не готово. Привязанность к нему вполне допустима, но о любви не может быть и речи. Она давно заметила, что любовь все портит и толкает женщин на необдуманный выбор. Она не ищет любви. Один раз она любила, и это было замечательно. К тому же шансы, что какой-то мужчина сможет полюбить ее такой, какая она есть, а не такой, какой, он считает, ей следует быть, весьма незначительны. Поэтому нет смысла добиваться любви.

Начиная с этого момента, что бы ни ждало ее в дальнейшем с Себастьяном, все будет происходить на ее условиях, а не на его.

– Очень надеюсь, сэра Себастьян, что ваши намерения не отличаются благопристойностью ни в малейшей степени, – пробормотала она и удобно устроилась на мягком сиденье. – Мои намерения определенно таковыми не являются.

Глава 5

– И куда мы отправляемся сегодня вечером? – Фордем Синклер прислонился к косяку открытой двери гостиной внизу лестницы. В руке он держал бокал с бренди. Он окинул взглядом Себастьяна. – И в вечернем фраке.

– Как и ты. Хотя, осмелюсь заметить, мой фрак сидит на мне лучше, – ответил Себастьян, поправляя манжеты.

– Ты англичанин. – Синклер сделал глоток бренди. – Вы, англичане, обречены с рождения быть чопорными и скучными и к тому же носить неудобную одежду. – Он обвел взглядом холл. – И живете в домах, где гуляют сквозняки.

– Позволь заметить, что это твой дом, а не мой.

Синклер пожал плечами:

– Не я его выбирал.

Дом Синклера, который он любезно делил с Себастьяном, когда один из них или оба были в Лондоне, принадлежал его семье, но находился в его распоряжении. Синклер был сыном американского железнодорожного магната и младшей дочери графа Маршема и при этом считал себя стопроцентным американцем. Он, так же как и Себастьян, не отличался любовью к обязательным родственным визитам. Это и еще сходство их характеров и страсть к экзотическим местам привело к тому, что они стали партнерами по приключениям и путешествиям, а за шесть лет знакомства превратились

в близких друзей.

– Сегодня от отца пришла телеграмма, из которой я понял, что обязан представлять семью на скучнейшем приеме в американском посольстве...

– Обязан?

– Это была просьба, высказанная в такой форме, что сомнений в моем присутствии у него нет. – Синклер поднял бокал. – Я готовлюсь к этому испытанию.

Хотя Синклер и был наследником огромных состояний с обеих сторон семьи, он не более чем Себастьян отличался родственными чувствами. И это тоже у друзей было общим.

– Может, удастся развлечься.

– Надеюсь. Так или иначе... – Вдруг его осенило. – Послушай, ты же уже одет для вечера. Почему бы тебе не пойти со мной? Для моральной поддержки своего ближайшего друга.

– Прости, старина. Я иду в театр. – Себастьян подошел к зеркалу в холле и стал себя придиричиво разглядывать. – С вечером в театре ничто не сравнится. Советую посетить.

– Я пробовал. – Синклер повертел в руке бокал с бренди и с любопытством взглянул на Себастьяна. – Хотя я не большой любитель театра, но сегодня с большим удовольствием пошел бы на самую скучную пьесу, чем на блестящий прием в посольстве.

Себастьян, не обращая на него внимания, продолжал изучать себя в зеркале.

– У меня галстук не перекосялся?

– Нет. – Синклер прищурился. – Это что, твой план доказать семье, что ты изменился?

– Синклер, я просто иду в театр, – холодно заметил Себастьян, поправляя галстук. Оба приятеля предпочитали более свободную одежду, чем накрахмаленные воротнички и белые галстуки, необходимые для официальных случаев. – Посещение театра едва ли является признаком респектабельности.

– Как посмотреть. Что дают?

– Кажется, опера, – подумав, ответил Себастьян. – А может, Шекспир. Я не помню.

– А, тогда понятно.

– Вот, вспомнил. «Школа злословия»⁴. Это название пьесы. – Себастьян, глядя в зеркало, встретился глазами с приятелем. – Что тебе понятно?

– Я задал не тот вопрос. Вопрос не о том, что ты собираешься смотреть, а, скорее, с кем?

Себастьян улыбнулся:

– А сейчас галстук завязан ровно?

– Нет. Перевяжи заново. – Синклер тоже улыбнулся. – И кто она?

– Она – леди Смитсон. – Себастьян сердито дернул галстук, выдохнул и принялся снова завязывать. Этот чертов узел его доконает!

– Леди Смитсон? Новое знакомство?

⁴ Комедия английского драматурга Р.Б. Шеридана (1751–1816).

– Она была на моей лекции, – рассеянно ответил Себастьян, поглощенный куском шелка, который упрямо не хотел ровно завязываться на шее. – У нее потрясающие рыжие волосы и восхитительно сверкающие темно-карие глаза.

Синклер ухмыльнулся:

– Теперь я понимаю.

– Это совсем не то, что ты подумал, – резко оборвал его Себастьян.

– Что «не то»?

– Вероника – подруга моей кузины, а не обычная поклонница.

– Той самой добропорядочной кузины? – недоуменно сдвинул брови Синклер.

– Да, подруга Порции. – Себастьян внимательно взгляделся в заново повязанный галстук. Возможно, некоторая небрежность в узле даже к лучшему – он же должен оправдать свою репутацию.

– Наконец-то туман рассеялся, – сказал Синклер.

– И тебе все стало ясно?

– Прозрачно, как хрусталь, мой друг.

Себастьян повернулся к нему.

– В таком случае будь добр и скажи мне, что за глубокое откровение тебя посетило?

– Ты хочешь, чтобы твоя семья считала тебя уважаемым и ответственным. Поэтому ты демонстрируешь им определенные символы благонадежности.

– Да ну? – Слова друга развеселили Себастьяна. – А я и не подозревал, что ты такой мудрый. – Он скрестил руки на груди. – И что это за символы?

Синклер кружил по холлу подобно большому коту, который охотится за добычей.

– А как еще ты назовешь роскошный дом в деревне, который ты купил? Как он, кстати, называется?

– Грейвилл-Холл. Дом большой, но не роскошный. Когда-то он таким был и, надеюсь, снова им станет. Потребуется много вложений.

– Ты ведь купил его за хорошую цену?

– Практически за ничтожную.

Синклер усмехнулся:

– Чем не ответственное поведение? Поторговался и заключил выгодную сделку. Вот тебе и символ.

Себастьян расхохотался:

– Это нелепо, но очень занятно. Продолжай, будь добр.

– Следующий символ: ты намерен сократить свои путешествия в обозримом будущем. – И с печальным видом покачал головой. – И еще: ты собираешься писать не только о своих приключениях, но и о выдуманных для тех людей, которые слишком трусливы, чтобы отважиться на собственное.

– Позволю себе уточнить: ты же не станешь лишать тех, кто не обладает твоей стойкостью или удачливостью, испытать прелесть от приключений, выдуманные они или нет.

– О, значит, это благотворительное начинание?

– Ничего подобного. Я рассчитываю, что это будет более прибыльным делом, чем мои предыдущие книги.

– И таким способом ты сможешь вкладывать деньги в свой разваливающийся дом в деревне.

– Угадал.

– Это... – Синклер выдержал театральную паузу и поднял бокал, – самое точное определение ответственного человека.

Себастьян усмехнулся:

– Тогда мой план удастся.

– Добавь к этому приятельницу добропорядочной кухни – с тобой под руку, – и твои братья не смогут возразить против получения тобой наследства.

Себастьян покачал головой:

– Мое наследство никак не связано с Вероникой.

– Так уж никак! Не говори мне, что после респектабельного дома и заслуживающей уважения профессии писателя художественных книг мысль о добропорядочной жене не приходила тебе в голову.

– Допускаю, что приходила.

Синклер застонал.

– Но, – быстро уточнил Себастьян, – у меня нет намерения жениться лишь ради наследства или уважения братьев. И из того, что я знаю о ней, Веронику никак не назовешь добропорядочной. По крайней мере не во всех отношениях. И я пока что не решил, хочу я на ней жениться или нет.

– Значит, Вероника? – Брови у Синклера полезли на лоб.

– Да, так ее зовут.

Синклер смерил его изучающим взглядом и произнес, тщательно подбирая слова:

– Я сейчас скажу тебе то, что никак не предполагал сказать.

Разговор приобретал серьезную окраску. Себастьян повернулся к приятелю.

– И что это такое?

– Когда мы играем в карты и ты блефуешь, то есть сказанное тобой не является полной правдой, то у тебя слегка подергивается щека. Я давно это заметил.

– Почему ты мне никогда не говорил об этом?

Синклер хмыкнул:

– С какой стати?

Себастьян сощурился.

– В таком случае ты обязан мне кое-какими выигрышами. Ты их получил, оказывается, за мой счет.

– Тебе следует быть мне благодарным за то, что я ни с кем не поделился своим открытием. Что касается моих выигрышей, то это бремя вины я готов вынести. А сейчас я тебе это сказал лишь потому, что у тебя снова дергается щека.

– Абсолютный бред.

– Одно из двух: либо ты не полностью правдив в том, что используешь эту женщину, чтобы получить одобрение семьи, либо ты уже решил жениться на ней. – Синклер с задумчивым видом потягивал бренди. – Интересно, кому ты

врешь, мне или себе.

– Я тебе уже сказал, что брак – это не шаг для получения наследства. Что касается брака с Вероникой... – Он старательно выбирал слова. – Видишь ли, за прошедшие годы было много случаев – и мы с тобой их не раз обсуждали, – когда мы полагались исключительно на интуицию – на шестое чувство, если хочешь, – и оно нас ни разу не подвело.

– И что? – Синклер подозрительно взглянул на Себастьяна.

– И теперь та же интуиция говорит мне, что если я не разделю свою жизнь с этой женщиной, то пожалею. Так что вполне возможно, что я принял решение. Звучит как безумие, не так ли?

– По меньшей мере. Ты едва с ней знаком.

– Думаю, что брак позволит мне узнать ее намного лучше.

Синклер, не веря своим ушам, уставился на Себастьяна:

– Чувствую, что ты твердо решил.

– Да, твердо.

– Ты влюблен в нее?

– Вероятно. Почти. Я не знаю. Не знаю, поскольку был не в состоянии ни о чем думать, кроме как о ней, с первой же нашей встречи. – Он недоуменно покачал головой. – Я никогда раньше ничего подобного не испытывал.

– Никогда?

– Во всяком случае, не помню.

– Даже с дочкой французского посла в Каире?

– Нет.

– Или с той очаровательной вдовушкой в Алжире?

– Господи, нет, конечно.

– Или с...

– Нет, – оборвал его Себастьян. – Никогда и ни с кем.

– Как интересно. – Синклер смерил его долгим внимательным взглядом и поднял бокал. – Тогда желаю удачи.

– Вероятно, удача мне понадобится. Вероника Смитсон может стать самым большим испытанием в моей жизни. – Он доверительно посмотрел на друга. – И, думаю, самым грандиозным приключением.

Возможно, никакого приключения не будет вообще, если эта чертова особа не появится.

Себастьян с трудом сдержался, чтобы не вскочить на ноги и не выглянуть в коридор за отдельной ложей, заказанной им на сегодняшний вечер. Он заставил себя сидеть в кресле и с безразличным видом рассматривать ряды партера. Но Вероника ведь не сказала, что придет в театр. Правда, она не вернула билеты, которые он отослал ей вчера домой. Два билета, разумеется. Он поморщился. Компания ее тетки его не радовала, но чтобы избежать ненужных пересудов – это лучший вариант.

Странно, он никогда прежде не задумывался о приличиях. Но ведь и жениться он раньше не собирался. Синклер прав – он не до конца искренен. Любовь это или нет, но

он совершенно определенно чувствовал, что стоит на краю очень глубокой пропасти. Нелепо, конечно, что его с такой быстротой охватило это чувство. Он всегда думал, что любовь будет расти постепенно, а не набрасываться на человека со скоростью и внезапностью голодного тигра. Он не в силах выбросить Веронику из головы. Он ни за что не признается в этом Синклеру или кому-либо еще, но в своем воображении уже видел себя с ней. Не сегодня и не завтра, а спустя двадцать лет. Тридцать лет. В конце их совместной жизни.

Разум призывал его не строить столь поспешных планов. Но интуиция, на которую он всегда полагался, которой доверял, говорила ему, что он прав. Наверное, он сумасшедший. А что, если это неизбежно? Он никогда прежде не влюблялся и не испытывал ничего подобного, поэтому как ему знать, плохо это или очень, очень хорошо?

И если это хорошо и правильно, то следует вести себя прилично. В конце концов, джентльмен не позволяет себе излишних вольностей с женщиной, на которой хочет жениться.

– Вы сомневались, что я приду? – раздался голос у него за спиной.

Он скрыл довольную улыбку и встал.

– Ни на одну минуту.

Она приподняла бровь, не веря ему.

– Ну хорошо, признаю – сомневался. – Он рассмеялся. – Возможно, был момент, может, два, когда меня посетили сомнения.

– Я не уверена, радоваться мне или огорчаться.

– Почему?

– Вы произвели на меня впечатление человека, который в высшей степени уверен во всем.

– Да, я уверен во всем. – Он взял ее руку и поднес к губам, глядя прямо в глаза. – За исключением, возможно, вас.

– О, вот это меня радует. Как восхитительно. – Она улыбнулась. – У вас это на редкость хорошо получается.

Сквозь перчатку он ощущал тепло ее руки, а запах духов приятно щекотал ноздри. Едва уловимая смесь манящих пряностей и экзотических цветов не только напомнила ему рынки загадочного Востока, где ему довелось побывать, но и вызвала в воображении другие места, которые он никогда не посещал. Например, спрятанные от чужих глаз гаремы, где царила чувственность.

– Так что я хорошо делаю?

– Целуете мою руку и при этом смотрите прямо в глаза. – Она говорила легко и беспечно, а глаза пылали жаром. – Это весьма действенно. Однако, – она убрала руку, – это выглядит чересчур... отрепетированно.

– Но тем не менее это действует.

– О да.

Он сдержанно, но довольно улыбнулся:

– Даже на вас?

– Господи, Себастьян. – Она склонила голову набок, внимательно глядя на него. – Я женщина и поэтому подверже-

на тем же желаним, что и другие женщины. – Она прошла к креслу, одному из двух, которые он заблаговременно отодвинул от края ложи.

– А где ваша милая тетушка? Она к нам присоединится? – спросил Себастьян, не видя мисс Брамхолл.

Вероника недовольно сдвинула брови.

– Я буду весьма вам признательна, если вы воздержитесь от употребления слова «милая» таким тоном.

– Каким?

– Словно это проклятие, а не комплимент.

Он засмеялся:

– Я употребил его из самых лучших побуждений.

– Большинство людей имеют в виду совсем другое, когда упоминают тетю Лотте. – Она покачала головой. – Мы встретили ее знакомых в фойе, и она задержалась с ними поболтать.

– К моему огромному сожалению, – сказал Себастьян, а про себя подумал, не дергается ли у него щека.

– Но она, несомненно, вскоре придет. Она очень ответственно относится к своей роли компаньонки.

– Да? Я и не предполагал, что ее могут волновать подобные вещи.

Вероника задумчиво на него посмотрела и вздохнула.

– На самом деле нет. Не всегда. Однако раз уж вы специально ее пригласили и прислали билет, она чувствует себя обязанной появиться. – Тут Вероника посмотрела ему в гла-

за. – Я пыталась ее разубедить. Говорила, что ей совершенно незачем приходить, но она настояла, сказав, что не хочет показаться невоспитанной по отношению к вам, поскольку вы проявили такое внимание.

Себастьян уставился на Веронику:

– Выходит, не было необходимости ее приглашать?

– Я произвожу впечатление женщины, которой требуется компаньонка?

– Нет, – ответил он, подумав, что для соблюдения приличий компаньонка не помешает.

– Вам следует иметь это в виду, – сказала она, села в кресло и расправила юбки.

– Значит, мы с вами пока что одни? – Он сел рядом.

– Едва ли. – Она огляделась. – Мы среди сотен людей.

Он удержался и не стал указывать на очевидное: занавески с двух сторон отдельной ложи и кресла, отодвинутые как можно дальше от перил, отлично скрывают их от взоров публики.

– Еще одно разочарование. Мне очень нравится быть с вами наедине.

– Мы гуляли с вами одни в парке, – напомнила она. – Конечно, если не считать Генри.

– Но существует огромная разница между прогулкой в парке средь бела дня и темной нишей ложи. Кто знает, какое скандальное поведение кроется внутри?

– Действительно, кто знает? – Она смерила его оцениваю-

щим взглядом. – А вы, Себастьян, намерены вести себя скандальным образом?

Он кивнул:

– Несомненно.

Она улыбнулась:

– Это хорошо.

– Хорошо?

– С чего бы мне приходиться сюда, если не затем, чтобы позволить себе скандальное поведение? – Она наклонилась вперед и оглядела другие ложи. – Поскольку эту пьесу я уже видела.

– Почему же вы мне не сказали?

– Зачем?

– Мы посмотрели бы что-нибудь еще. – Говоря по правде, он выбирал театр, а не пьесу. Он бывал в Театре принца Уэльского раньше и хорошо знал, какие возможности скрывают отдельные ложи в этом театре.

– Мы оба с вами здесь не из-за пьесы. – Она бросила на него вопросительный взгляд. – Не так ли?

Он немного смутился.

– Ну, я не думал...

– Себастьян, будьте же честны – вы на самом деле жаждали посмотреть «Школу злословия»?

– Я высокого мнения о постановках этого театра, – не отступал он, – и...

Она рассмеялась.

– Что ж, признаюсь, – он наклонился к ней поближе, – театр – это просто способ провести с вами время, узнать вас получше в подходящей обстановке.

Ее взгляд переместился на его губы, затем обратно – на глаза.

– Вы собираетесь меня поцеловать?

– Собираюсь.

– Сейчас? – Она приоткрыла губы.

– Нет, не сейчас. – Он откинулся на спинку кресла. – Мне кажется, что для скандального поведения освещение должно быть более приглушенным.

– Я разочарована. – Она с грустным видом покачала головой. – Я думала, что вас не волнуют приличия.

– Сам не знаю, что на меня нашло.

Она вздохнула.

– Мне следовало этого ожидать. Вы – известная личность, и, несомненно, ваше появление заметили. Учитывая вашу репутацию, моего присутствия рядом с вами вполне достаточно, чтобы я стала объектом сплетен. Как я уже сказала, мне следовало этого ожидать. А то, что вы пригласили мою тетю на роль компаньонки, подтверждает это. Вы, Себастьян Хэдли-Эттуотер, безо всякого сомнения, джентльмен.

– Я разбиваю еще одну иллюзию?

– Вообще-то я довольна. – Она снова пристально на него посмотрела. – Я предпочитаю угодить в скандал с джентльменом, человеком чести. Так все заканчивается намного

удачнее.

– Предупреждаю вас сразу – я интересуюсь не окончанием, а началом. Нашим. – Он помолчал и, как бы между прочим, спросил: – А вы попадали в скандалы со многими джентльменами?

Ее это явно рассмешило.

– Вы обвиняете меня в том, что я прямодушна?

– Мы с вами превосходная пара.

– Разве Порция не рассказала вам обо мне все? В особенности о скандалах.

– Порция на редкость деликатна. – Себастьян, конечно, расспрашивал кузину, но она сообщила ему лишь то, что и так было известно о Веронике.

– Ерунда, – хмыкнула Вероника. – Порция не в состоянии хранить секреты.

– Вероятно, она думала, что вы сами расскажете мне о своем прошлом.

– Почти нечего рассказывать. Меня всегда больше интересует настоящее, а не вчерашний день. Однако... – Она мило улыбнулась. – Мне пришло в голову после нашей прошлой встречи, что, в то время как я узнала о вас очень многое, мы едва говорили обо мне.

– Приношу свои извинения. Как невнимательно с моей стороны.

– Я так не считаю. – Вероника жестом отвела его извинения. – Это не ваша вина. Я сама не дала вам возможности

спросить меня о чем-то значимом, да и вообще ни о чем. – И сверкнула улыбкой.

– Все равно я должен был хотя бы спросить вас, видели вы пьесу или нет.

– К чему об этом сейчас говорить? Но все-таки есть кое-что, что вам следует обо мне знать. – Она извлекла из перчатки сложенный листок. – Я составила список.

– Неужели? – засмеялся он. – Какая предусмотрительность.

– Ненавижу попусту терять время. – Она взглянула на записку. – Прежде всего меня никогда не волновало то, что я – предмет пересудов, если они относительно правдивы.

Он кивнул:

– Замечательно. Продолжайте.

– У меня есть материальные возможности делать то, что я хочу, и большей частью я так и поступаю. Хотя я не озабочена чрезмерным соблюдением приличий, но демонстративно их не попираю.

– Весьма разумно.

– Да. Я разумная и не вижу нужды скрывать свой ум.

– И незачем.

– Больше всего я люблю хороший спор.

Он усмехнулся:

– Это я заметил.

– Конечно, если только предмет спора не роскошная шляпа.

– И это я тоже заметил.

– Я рассчитываю на то, чтобы мое мнение уважалось. – Она слегка сощурилась. – Даже когда мнения не совпадают.

– Понимаю.

Она просверлила его взглядом.

– Я не верю в сожаления.

– И я тоже.

– Я ценю свою независимость и свободу.

– Это вполне понятно.

– Я бы хотела, чтобы моей эпитафией стало: «Она никогда не была скучной».

Он засмеялся.

– Запомню. – Он посмотрел на листок. – Это все?

– Пока все. – Она сложила записку. – Если только вы не хотите еще что-нибудь узнать.

– Многое, но ничего из этого там не указано. – Он выдернул у нее из руки записку, смял и отбросил в сторону. – У меня имеется собственный список.

Она засмеялась:

– О! Слушаю вас.

– Я знаю, как загораются ваши глаза, когда вам весело. –

Он наклонился ближе. – Я хочу увидеть их в пылу страсти.

– Хотите? – Красивые карие глаза выразительно на него смотрели, и она не отстранилась.

– Я хочу ощутить ваши губы на своих губах. – Он понизил голос. – И ощутить, как ваше дыхание смешивается с моим

дыханием.

– На самом деле? – Темные глаза весело блестели.

– Да. – Он наклонился еще ближе. – Я хочу почувствовать шелковистую кожу, когда ваша обнаженная нога обвивается вокруг моей ноги.

– Моя... – выдохнула она, и губы у нее сложились в едва заметную улыбку.

– Я хочу услышать, как бьется ваше сердце, когда вы прижметесь к моей груди.

– Господи... – Было похоже, что ей трудно дышать.

– Я хочу почувствовать вашу грудь под своей ладонью, изгиб вашего бедра...

– Себастьян... – Теперь она наклонилась к нему.

– Я хочу узнать, блестят ли ваши волосы подобно темному золоту, когда рассыпаются по моей подушке ранним утром.

– Утром? – Она заглянула ему в глаза. – Я всегда любила утро.

Их взгляды встретились, его губы почти вплотную приблизились к ее губам – на расстояние вдоха.

– Я хочу узнать, что это такое, когда вы выкрикиваете мое имя, прижимаясь ко мне в страстных муках.

– О... Боже мой...

– Я хочу узнать... – его губы шептали прямо ей в рот, – как вы выглядите, когда...

Дверь в коридор раскрылась, и Себастьян вскочил. Черт! Вероника шумно выдохнула.

– Вот вы где. – В ложу быстро вошла мисс Брамхолл. – Я боялась пропустить начало. Никогда не следует пропускать начальные реплики, даже если уже видел пьесу. Первые фразы определяют всю постановку.

– Мисс Брамхолл. – Себастьян подошел к ней и взял ее руку. – Как приятно снова вас видеть.

– Не скрою, я была удивлена, получив ваше приглашение, сэр Себастьян. – Мисс Брамхолл внимательно взглянула на племянницу. – Хотя была этому рада.

– Я в восторге от того, что вы смогли прийти, – галантно произнес Себастьян.

– Я думала, что ты останешься со своими знакомыми, тетя Лотте. – Вероника безмятежно улыбнулась ей, чем восхитила Себастьяна. Какая женщина! Он прекрасно понимал, что Вероника не менее его взволнована вопросами, но выглядела абсолютно спокойной. А у него почти дрожали руки.

Мисс Брамхолл уселась в кресло, с которого поднялся он.

– Теперь, сэр Себастьян, расскажите мне о банкете в Клубе путешественников. Он устраивается только для мужчин – членов клуба?

– Насколько мне известно, многие джентльмены придут с женами. – Стоило этим словам сорваться с его губ, как он понял, какую совершил ошибку.

– Хм, – фыркнула мисс Брамхолл. – Единственная возможность женщинам попасть в это святилище – это посещать публичные лекции или выйти замуж за одного за ста-

рых дураков, которые руководят этим заведением.

– Тебе не следует называть сэра Хьюго старым дураком, – заметила Вероника.

– Почему нет? – Мисс Брамхолл сдвинула брови. – Он и есть старый дурак.

– Тем не менее тебе не стоит восстанавливать его против себя. – Вероника взглянула на Себастьяна. – Вы согласны?

– И да и нет, – осторожно ответил он. Тетя Вероники могла бы стать его союзницей, если вдруг понадобится. – С одной стороны, я согласен с леди Смитсон в том, что непрекращающиеся нападки на сэра Хьюго не расположат его к вам.

Мисс Брамхолл подозрительно на него взглянула, а он продолжал:

– Однако вопрос в том, на самом ли деле сэр Хьюго старый дурак. – Себастьян засмеялся. – Я слышал, как его обзывали намного хуже.

Мисс Брамхолл просияла.

– К тому же поскольку его здесь нет и он не слышит, как его называют старым дураком, то не вижу причин, почему мисс Брамхолл должна держать при себе свое мнение. – Он улыбнулся пожилой леди. – Даю вам слово – от меня он не услышит вашего мнения о нем.

– Это едва ли имеет значение. – Мисс Брамхолл пожала плечами, но было ясно, что слова Себастьяна ее успокоили. – Он прекрасно знает, что я о нем думаю.

– Неплохо сказано, сэр Себастьян. – Вероника улыбнулась

ему. – Действительно неплохо.

Мисс Брамхолл бросила взгляд на племянницу, потом снова посмотрела на Себастьяна.

– Вы сознаете, что, приглашая нас, особенно меня, вы поступаете опрометчиво?

– Не знаю, зачем он вообще тебя пригласил. Компаньонка мне не нужна, – заявила Вероника.

– Я могу приглашать того, кого пожелаю, – в свою очередь, заявил Себастьян.

– Но это может поставить вас в неловкое положение, – предупредила мисс Брамхолл.

– Наоборот, – улыбнулся Себастьян. – Я предвкушаю очень интересный вечер.

Вероника подавила вздох.

– Ну что ж, посмотрим. – Мисс Брамхолл довольно засмеялась. – Благодарю вас, сэр Себастьян. Я с нетерпением этого жду.

– И мы тоже, – сказала Вероника.

Свет в зале погас.

– Это кресло стоит слишком далеко, – заявила тетя Лотте и встала. – Сэр Себастьян, не будете ли столь добры... – Он любезно передвинул кресло ближе к перилам. Тетя Лотте посмотрела на Веронику: – А ты не хочешь подвинуться вперед? Оттуда, где ты сидишь, не видно сцены.

– Мне вполне здесь удобно. Я все вижу.

– Как хочешь. – Мисс Брамхолл села и сделала знак Се-

бастьяну сесть с ней рядом. А вот этого он совсем не хотел. Он посмотрел поочередно то на одну, то на другую даму, сдался и подвинул свое кресло к креслу тети Лотте. – Но не рассчитывай, что сэр Себастьян или я будем объяснять тебе то, что ты пропустишь.

– Нет, конечно. – Вероника прикрыла рот ладонью, чтобы скрыть усмешку.

Себастьян бросил на нее умоляющий взгляд. Их глаза встретились – ее глаза смеялись.

– Наверное, ты права. – Вероника встала и, не дожидаясь, пока он ей поможет, передвинула свое кресло вперед и села... по другую сторону от тети. – О, конечно, так видно намного лучше. Правда, сэр Себастьян?

Ему ничего не оставалось, как улыбнуться и сказать:

– Да, прекрасно видно.

– Тихо, вы оба, – шикнула на них мисс Брамхолл. – Представление начинается. О, я обожаю комедии.

– Мы все их любим, тетя Лотте, – засмеялась Вероника. – Разве нет? – и посмотрела на Себастьяна.

Глава 6

Это была самая длинная пьеса, которую Себастьяну когда-либо приходилось смотреть. Бесспорно смешная, но он не оценил юмора, поскольку угодил в собственную комедию.

Побывать с Вероникой наедине не удастся, раз с ними в ложе ее тетка. Но обменяться украдкой взглядами, когда внимание мисс Брамхолл будет полностью занято тем, что происходит на сцене, – на это он рассчитывал. Он намеревался сидеть рядом с Вероникой в глубине ложи, как можно дальше от мисс Брамхолл.

Он надеялся, что сможет ненароком задеть ее руку своей рукой, прошептать ей на ухо несколько слов, обмениваясь мнениями по поводу пьесы или публики, чтобы показать свое остроумие. А если повезет, то и поцеловать в темной нише ложи.

И что сейчас? Он был раздражен и с трудом удержался, чтобы не забарабанить пальцами по подлокотнику кресла. Или не вскочить и не заключить ее в объятия, невзирая ни на тетку, ни на публику. Наплевать ему на всех! Какой получился бы великолепный романтический поступок, да и намного драматичнее того, что происходит на сцене. И произвел бы сильное впечатление, если бы не его решение вести себя прилично.

Джентльмен не впутывает леди, на которой намерен же-

ниться, в скандал, но, черт возьми, все оказалось труднее, чем он себе представлял.

Вообще-то могло быть еще хуже – мисс Брамхолл могла находиться с ними с самого начала, а так у него появилась возможность обсудить свой список с Вероникой. И это весьма неплохо. Он незаметно улыбнулся. Очень, очень неплохо. Ее не меньше, чем его самого, захватила эта шутка.

Наконец наступил антракт и зажегся свет. Может, повежет, и мисс Брамхолл снова присоединится к своим знакомым или ему хотя бы удастся переставить кресла?

– Сэр Себастьян, – обратилась к нему мисс Брамхолл доверительным тоном. Вероятно, удовольствие от пьесы смягчило ее нрав. – У меня совсем пересохло в горле. Не принесете ли что-нибудь прохладительное?

– С удовольствием. – Подавив стон, он встал. Очевидно, эта дама не оставит их наедине.

Вероника улыбнулась с таким видом, будто прочитала его мысли.

– Пожалуй, я пойду с вами. – Мисс Брамхолл тоже встала. – Я заметила, что здесь леди Ловетт. Хочу перемолвиться с ней парой слов до начала следующего действия.

– Не спеши, – сказала Вероника. – Мы мужественно перенесем твое отсутствие.

– Не сомневаюсь, дорогая. – Мисс Брамхолл кивком сделала знак Себастьяну открыть дверь в коридор и прошествовала впереди него.

– Себастьян, – прошептала Вероника. Он обернулся. – Последнее замечание по поводу вашего списка.

– Да?

– Кажется, он не применялся на практике. – Она дерзко улыбнулась, а у него замерло сердце. Что может сделать всего одна улыбка! – Но это замечание весьма действенное.

– Вы так считаете?

– О, конечно. – Она встала, подошла к нему, и не успел он опомниться, как она заключила его лицо в ладони и прижала губы к его губам.

Какие теплые и мягкие у нее губы! И пьянят не хуже отличного вина. Сердце сжалось.

– В высшей степени действенное.

Себастьян обвил руками ее талию, но она отстранилась от него.

– Тетя Лотте ждет...

– Да, разумеется. – Он с трудом выдохнул. – Но здесь не место...

– Поспешите вернуться.

Он кивнул и помчался за ее тетей.

Коридор бы переполнен театрами, и Себастьяну пришлось пробиваться сквозь толпу, чтобы поспеть за мисс Брамхолл. В фойе она отошла в сторонку.

– Сэр Себастьян, я бы хотела с вами поговорить, – строго заявила мисс Брамхолл.

Он вдруг ощутил себя десятилетним мальчиком, которо-

го застали за недозволенным занятием. Какая нелепость! Он взрослый образованный человек, он сталкивался с намного более серьезными опасностями, чем эта маленькая настырная особа.

Себастьян изобразил любезную улыбку.

– Слушаю вас, мисс Брамхолл.

– Прежде всего я очень тронута тем, что вы прислали приглашение лично мне на сегодняшний спектакль и на банкет.

– Мне казалось, что этого требуют приличия, – ответил Себастьян, а про себя подумал, что пока ему можно не бояться.

Она смерила его внимательным взглядом и засмеялась.

– Господи, молодой человек, последнее, что волнует Веронику, это приличия.

– Тогда одного из нас это должно волновать, – ответил он и поморщился. Сейчас он напоминает себе чопорных старших братьев! – Я хочу сказать, что не желал бы подвергать леди Смитсон ненужным пересудам.

– Превосходный ответ. – Она задумчиво кивнула. – Мать Вероники умерла, когда девочка была совсем маленькой. Моя мать и я помогли ее отцу, моему брату, воспитывать ее. Мой брат часто ведет себя как полный болван, но тем не менее он хороший человек. Мы с матерью обе... как бы это сказать?

Себастьяну в голову пришло множество подходящих определений, но он сдержался.

– Вот подходящее слово – независимые. Вероника находилась под нашим большим влиянием. – Мисс Брамхолл провозгласила Себастьяна твердым взглядом. – Имейте это в виду.

– Не сомневайтесь. Благодарю вас.

– Знаете, а вы совсем не такой, каким я ожидала вас увидеть.

Он поднял брови:

– Это хорошо?

– Я пока не решила. Вы – мужчина, и обычно я не считаю, что мужчинам можно доверять. – Она помолчала. – Мне бы следовало спросить, честны ли ваши намерения.

Он открыл было рот, чтобы ответить, но она подняла руку и не дала ему сказать.

– Нет, я не хочу знать. Это не мое дело. В моей семье мы ценим личную жизнь так же, как и независимость. Вероника не ребенок, она достаточно умна, чтобы принять собственное решение в таких вопросах.

– Я, право, не думаю...

– Нет-нет. – Она взмахнула руками. – Мое мнение о вас в данный момент самое благоприятное. Если вы скажете, что ваши намерения благородные, я сочту, что могу ходатайствовать за вас, а это никуда не годится. Или я вам не поверю, что значительно хуже. Если вы скажете, что ваши намерения не честны, я подумаю, что вы глупец – потому что только глупцы в этом признаются, – даже если и воздам вам должное за искренность. И я сочту необходимым сообщить о ва-

ших намерениях Веронике. Каков будет ее ответ, я не знаю.

– Но разве большинству женщин не нравится, если мужчина руководствуется благородными намерениями? – медленно произнес он.

– Вероника не принадлежит к большинству женщин, – пренебрежительно заметила мисс Брамхолл. – Так же, как и любая женщина в нашей семье. Рекомендую вам это помнить.

– Я запомню.

– А теперь, – она оглядела публику, – еще осталось время, чтобы до конца антракта перемолвиться парой слов с леди Ловетт. – Глаза ее весело засверкали. – Думаю, что если вы поторопитесь, то успеете вернуться в ложу до меня.

Он усмехнулся:

– В таком случае я потороплюсь.

– Еще кое-что, сэр Себастьян. – Она внимательно на него взглянула. – Сердце даже самой сильной женщины может быть на удивление ранимым. Вероника – дочь, которой у меня никогда не было. – В ее голосе прозвучало предостережение. – И у меня очень хорошая память, что может подтвердить сэр Хьюго.

– Ни секунды не сомневаюсь в этом.

– Но, милый мальчик, – она наклонила к нему голову и понизила голос, – не ведите себя как на похоронах. Я ценю ваши усилия. Хотя это выглядит не очень привлекательно. – Она оглядела его с головы до ног. – А вы очень привлека-

тельны.

– ...и он вернулся в ложу за несколько минут до конца антракта. Почти сразу за ним появилась тетя Лотте. – Вероника нетерпеливо стучала пальцами по столу в читальном зале для дам книжного магазина «Фенвик и сыновья». – Поскольку я уже видела пьесу...

– А кто не видел? – заметила Порция. – Это же очень старая пьеса.

– И тем не менее очень занятная, – кивнула Джулия. – Я могу ее смотреть без конца.

– Все зависит от того, кто играет роль леди Снизуэлл, – сказала Порция. – Поскольку она – главная злодейка...

– Может, вы обе прекратите обсуждать театральные достоинства дурацкой пьесы и уделите внимание моей проблеме? – Вероника бросила на подруг недовольный взгляд.

– Дорогая, мы не совсем понимаем, в чем твоя проблема, – сказала Джулия, сделав глоток чаю.

– Помимо того, что ты хочешь стать любовницей Себастьяна, а он, кажется, не очень к этому стремится, – с благонаправленным видом улыбнулась Порция. – Я, кстати, потрясена.

– Еще предстоит выяснить, к чему он стремится. – Тон, каким Вероника это произнесла, был резче, чем ей того хотелось, поэтому она, чтобы успокоиться, сделала глубокий вдох.

– Ты ждешь, чтобы он прыгнул к тебе в постель или немедленно уложил тебя в свою, – сказала Порция.

– У него именно такая репутация.

Джулия кивнула:

– Вот почему ты выбрала его.

– Не совсем. Я выбрала его еще и потому, что мне нравятся его книги. В том, как он пишет, есть что-то неотразимо привлекательное, я бы даже сказала, обольстительное.

Порция фыркнула.

– Я читала его книги и не нахожу их ни в малейшей степени обольстительными. Что за фантазии!

– Когда я его встретила... – Вероника на секунду замолчала. – Да, мне следует в этом признаться. Мысль стать любовницей лишь смутно блуждала где-то в глубине сознания. Я знала, что замуж выходить не хочу, но мне надоело быть одной. Я также знала, что мне нужен определенный, подходящий мне мужчина. Но, лишь встретив Себастьяна, я утвердилась в своем решении.

– Прямо там? – Порция выпучила глаза. – Ты решила стать его любовницей прямо там, в лекционном зале? В Клубе путешественников?

– Порция, зал не является священным местом, – заметила Джулия.

– Вероятно, является, раз они не допускают женщин в члены клуба, – в свою очередь, заметила Порция.

Не обращая внимания на их слова, Вероника продолжала:

– Пусть это прозвучит странно, но он – я знаю – тот человек, который мне нужен. Я им очарована. Он красив – это несомненно. А этот шрам на лбу придает ему загадочность.

– Этот шрам...

– Порция, я знаю про шрам, но это не важно. То, как он держал в руках публику, как был вежлив и благожелателен со всеми своими поклонниками... да он даже мил с тетей Лотте...

Он не выходил у нее из головы. Даже во сне она видела его нечестивую улыбку, бездонные голубые глаза и слышала его смех. Ей казалось, что она до сих пор ощущает исходящее от его тела тепло, когда они гуляли в парке. Она вспомнила, как поцеловала его, и у нее внутри что-то затрепетало и заныло. Похожее чувство было у нее много лет назад, когда она влюбилась в Чарлза. Хотя тогда это был скорее зов плоти. И сейчас она не допустит, чтобы это оказалось чем-то бóльшим.

– Ну? – Джулия пристально на нее посмотрела.

– Я считаю его выдающимся человеком.

– И? – не отставала Джулия.

– И желанным.

– И? – внесла свою лепту Порция.

– И... я хочу этого человека. – Вероника смотрела то на одну, то на другую подругу. – Вот, вы услышали – я хочу его. Он – превосходный рождественский подарок... для меня. И я решительно настроена получить его.

– Я все-таки не понимаю, в чем сложность, – спокойно сказала Джулия.

– В том, что я сама не знаю, что я делаю, – громко заявила Вероника.

– Да, это проблема, – согласилась Джулия.

– Я знала... – Порция облегченно вздохнула, – знала, что ты одумаешься.

– Я не одумалась, – оборвала ее Вероника. – Потому что разума я не теряла. Я просто не знаю, как к этому приступить.

– Приступить... приступить к чему? – недоуменно спросила Джулия.

– К обольщению!

Головы дам, сидящих за соседним столом, повернулись в их сторону. Вероника сморщила нос. Вероятно, это место не совсем подходит для подобной беседы. Читальный зал для дам всегда был переполнен с тех пор, как Вероника посоветовала Фенвику подавать легкое угощение. Или лучше сказать, «приманку», так как это привлекало в магазин больше посетителей. Обычно она радовалась тому, что магазин процветает, но сегодня она предпочла бы, чтобы посетительниц было меньше.

Вероника понизила голос и наклонилась к подругам.

– Я не знаю, что мне делать, чтобы соблазнить мужчину.

– Ты же его поцеловала, – напомнила ей Джулия.

Вероника отмахнулась от ее замечания:

– Поцелуй украдкой, и поэтому едва ли ему можно придавать значение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.